

УДК 322

ГЛАВНЫЙ СВЯЩЕННИК ВОСТОЧНОГО ФРОНТА ПРОТОИЕРЕИ АЛЕКСЕЙ РУСЕЦКИЙ (1871-1945)

*Владимир Александрович Шулдяков,
кандидат исторических наук, доцент кафедры технического обеспечения
(и тактики) ФГБОУ ВПО «Омский филиал Военной академии материально-
технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева»*

Аннотация. Статья посвящена исследованию биографии главного священника 2-го Степного корпуса Сибирской армии протоиерея Алексея Русецкого. На основании широкого круга архивных источников воспроизводятся главные вехи жизненного пути этого выдающегося войскового священника.

Ключевые слова: история Русской Православной Церкви, Гражданская война, протоиерей Алексей Русецкий, военное духовенство.

THE LEADING PRIEST OF THE EASTERN FRONT, PROTOPRIEST ALEXEY RUSETSKY (1871-1945)

*Shuldyakov Vladimir Alexandrovich,
PhD in history, associate professor of the Chair of technical assistance
(and tactics) of the Federal State Military Educational Institution of Higher
Professional Education "Omsk branch of the Military Academy of material
and technical assistance named after General A.V. Khrulev"*

Abstract. The article is devoted to studying the biography of the main priest of the second Steppe Corps of the Siberian army, protopriest Alexey Rusetsky. Based on a wide range of archive sources the main milestones of the life of this outstanding military priest are recreated.

Key words: the history of the Russian Orthodox Church, the Civil war, protopriest Alexey Rusetsky, military clergy.

И наши представления о действительной роли Русской Православной Церкви в Гражданской войне не могут быть полными без выяснения значения военного духовенства Белых армий. Но в этой теме, лежащей на стыке церковной и военной истории, слишком много белых пятен. Нет даже биографий наиболее выдающихся войсковых священников, не говоря уже об объективной оценке их вклада в вооруженную борьбу за Святую Русь. Тема остается на периферии внимания или даже вне поля зрения военных историков. Так, в фундаментальных исследованиях по истории белой Сибирской армии и входившего в ее состав 2-го Степного корпуса имя главного священника этих двух воинских соединений о. Алексея Русецкого вообще не упоминается [9; 10].

Революция и Гражданская война – это исторические периоды, когда время сжато, события спрессованы и в большой степени хаотичны, впечатления, образы, личности мелькают как в калейдоскопе. Очень часто действующие лица появляются на исторической сцене и уходят с нее стремительно, неожиданно, как бы ниоткуда и в никуда. Историк, берущийся за характеристику этих «героев-комет» Великой Смуты, неизбежно сталкивается с серьезными трудностями, ведь надо проследить судьбу

человека не только во время Революции и Гражданской войны, но также до и после этого ужасного социального разлома. А судьба перебрасывала людей по стране и миру порой самым причудливым образом. Поэтому нередко найти скудные биографические данные – уже большая удача.

Рис. 1. Протоиерей Алексей Русецкий

В отношении восстановления биографии А.А. Русецкого нам, наконец, крупно повезло. Недавние изыскания западно-белорусских исследователей из Полесского госуниверситета (г. Пинск) супругов Александра Ильина (кандидат физико-математических наук, доцент, известный пинский историк и краевед) и Елены Игнатюк (кандидат филологических наук, поэтесса), соавторов «Очерков истории культуры Пинщины» [6], проливают свет на деятельность о. Алексея в начале 1910-х и в 1920-е – 1930-е годы. Супругам-краеведам удалось найти ценную автобиографию священника 1923 года и ряд других документов. Теперь основные вехи жизненного пути выдающегося военного священника Белой Сибири можно считать реконструированными.

1. Начало пути

Алексей Антонович Русецкий родился 17 марта 1871 г. (здесь и далее даты по старому стилю) в д. Мокраны, Киевичской волости¹⁶, Слуцкого уезда, Минской губернии, в семье псаломщика (с 1883 г. – дьякона), уроженца Бобруйского уезда, выпускника Пинского духовного училища. Его мать Анна, в девичестве Степар, была дочерью православного священнослужителя [4, л. 101 об.; 5].

В отношении деда нашего героя Казимира Русецкого нужны дополнительные изыскания. Согласно вышеупомянутой автобиографии, дед о. Алексея был поля-

¹⁶Недалеко от г. Клецка и посада Лунинец, ставшего в 1919 г. центром Лунинецкого повета Полесского воеводства Второй Речи Посполитой.

ком-католиком родом из г. Вильно, а по профессии – художником, картина работы которого, представлявшая Христа на кресте, на 1923 г. украшала Виленский кафедральный католический собор. Но, по данным А.Л. Ильина и Е.А. Игнатюк, этот собор расписывал польский художник из дворян Канут Русецкий (1800–1860), вообще они глубоко сомневаются, чтобы художник-католик отправил своего сына учиться в православное духовное училище. По мнению исследователей, ради получения для себя и своей семьи польского гражданства белоэмигрант Алексей Русецкий в своей автобиографии 1923 г., с одной стороны, сознательно некоторые факты от польских чиновников скрыл, с другой – постарался подчеркнуть свою связь с Польшей и поляками, для чего годились и «семейные легенды» [5].

Остается открытым и вопрос о братьях о. Алексея. Сам он в автобиографии упомянул только одного родного брата Федора Русецкого, бывшего в 1923 г. православным настоятелем в с. Ставок под Пинском [5]. Между тем обращает на себя внимание кандидат богословия Григорий Антонович Русецкий (1875–1945), выпускник Минской духовной семинарии (!) и Санкт-Петербургской духовной академии (1900 года), погребенный в 1945 г. на Волковском кладбище Ленинграда [1]. Нельзя исключать и родства с отставным полковником Русской Императорской Армии Борисом Антоновичем Русецким, умершим в блокадном Ленинграде (на 1941 г. проживал на проспекте Чернышевского, бывший Воскресенский, д. 17). Он был выпускником 2-го кадетского корпуса (СПб., 1889) и 3-го военного Александровского училища (М., 1891), кадровым офицером лейб-гвардии Финляндского пехотного полка, кавалером шести орденов, в том числе трех боевых, фронтовиком, уволенным с военной службы за болезнь во время Первой мировой войны [7]. В автобиографии, предназначенной для польских чиновников, о. Алексей мог специально упомянуть лишь брата, жившего в Польше, а о других, осевших во «второй столице» Советской России, – «забыть».

Алексей Русецкий получил образование в Слуцком пятиклассном духовном училище и Минской духовной семинарии [5]. Причем учился далеко не блестяще: семинарию окончил лишь по 2-му разряду [4, л. 101 об.].

После окончания семинарии в течение четырех месяцев он был псаломщиком в с. Бучатино, Вызнянской волости, Слуцкого уезда, Минской губернии [5]. Звание псаломщика получил 6 июля 1895 г. [4, л. 101 об.].

А.А. Русецкий был рукоположен в священники в 1897 году: по одним данным, 22 июля [4, л. 101 об.], по другим – 25 июля, и назначен в приход с. Старчицы той же Вызнянской волости Слуцкого уезда. В том же 1897 году он женился на дочери православного священнослужителя Анне Когачевской. Бракосочетание прошло в с. Дубенец, Столинской волости, Пинского уезда, Минской губернии. В этом браке было (на 1917-й и 1923 г.) три дочери: по старшинству – Ксения, Лидия, Галина. Годы их рождения надо уточнять, т.к. в источниках разночтение. Если в автобиографии 1923 года о. Алексей обозначает возраст дочерей так: 20, 19 и 18 лет [5], будто они – погодки, то в официальном списке по старшинству 1917 года мы видим совершенно иную разницу: 17, 14 и 10 лет [4, л. 101 об.].

Прожив в Старчицах около пяти лет, Алексей Русецкий был затем переведен в волостное село Еремичи, Новогрудского уезда, Минской губернии, где он и служил до своей мобилизации в армию во время Великой войны [5].

Несмотря на относительно небольшое народонаселение, на 1897 год – 122 двора, Еремичи для окружающей сельской местности были важным административным, религиозным, образовательным, культурным и торговым центром. Помимо волостного правления, там располагались три учреждения религиозного культа: православный храм Вознесения (каменная церковь постройки 1867 г.), молитвенный дом и синагога. Из учреждений образования были народное училище, церковно-приходская школа и еврейская молитвенная школа. Кроме того, по данным на 1897 г. в селе действовали шесть магазинов и корчма [2].

Священство в Еремичах стало важным этапом в жизни Русецкого. Там он возглавлял женской церковно-приходской школой, но главным его делом стало активное участие в работах «Минского Православного Народного Братства во имя Животворного Креста Господня» [5].

2. Народное братство

В начале Первой Русской революции Государь Император сделал шаг навстречу иноверцам, подписав 17 апреля 1905 г. указ «Об укреплении начал веротерпимости», согласно которому подданные могли свободно избирать для себя вероисповедание, преподавать Закон Божий на национальных языках, отпадение от Православия более не преследовалось. В Белоруссии польско-католическая общественность восприняла Высочайший указ как бессилие русской центральной власти. Ксендзы и шляхта начали устраивать польские религиозно-патриотические манифестации-процессии, открывали – как правило, тайно – польские школы, раздавали листовки и брошюры с призывами переходить в католичество, распространяли слухи о якобы законном восстановлении церковной унии. Все это преподносилось польско-ксендзовской пропагандой как торжество над Православием. Некоторые помещики-поляки в своем давлении на крестьян доходили до того, что стали сдавать землю в аренду только тем, кто согласится перейти в католичество. Следствием «религиозного совращения» стало массовое отпадение от РПЦ.

Польскому движению, его католической и антирусской пропаганде надо было что-то противопоставить. Старые формы, типа «Минского епархиального Свято-Николаевского Братства», в силу малочисленности, ограниченности задач и пассивности в практической деятельности не годились. Нужно было что-то молодое, энергичное, широкое, чувствующее свою правоту. Для резкого оживления церковно-общественной жизни в феврале 1907 г. и было открыто «Минское Православное Народное Братство во имя Животворящего Креста Господня». Народным оно было названо потому, что состояло не только из представителей клира, но и большого числа мирян. Братство сразу же получило признание русско-православного общества. Достаточно сказать, что его пожизненным членом согласился стать святой праведный Иоанн Кронштадтский.

«Братство» занялось религиозно-нравственной пропагандой, устраивая внебогослужбные публичные беседы в храмах, выпуская газету «Братский листок» и воззвания к православным. В центре внимания его была и школа, ведь образование, прежде всего, начальное – во многом закладывает фундамент мировоззрения человека. В этом вопросе «Братство» пыталось оказывать давление на власть: ходатайствовало об увеличении содержания церковно-приходских школ, обращалось через

министра внутренних дел к Государю Императору с просьбой не передавать церковно-приходские школы от РПЦ в ведение Министерства народного просвещения, выступало за сохранение в Белоруссии русских школ грамотности. Большое значение придавалось созданию отделов «Братства» на местах, а также общей координации усилий посредством проведения съездов представителей западнорусских православных братств. Во главу угла практической деятельности была поставлена конкретная помощь православным людям, попавшим в сложные жизненные ситуации: «Братство» помогало с трудоустройством (через собственное «Справочное бюро»), в погребении умерших бедняков, оказывало матпомощь сильно нуждающимся. Совершенно новым для РПЦ направлением деятельности стала активная экономическая помощь крестьянам: чтобы помочь им вырваться из кабалы ростовщиков-евреев, провинциальные отделы «Братства» начали открывать ссудно-сберегательные кассы и потребительские лавки [8].

Отец Алексей Русецкий организовал в с. Еремичи отдел «Братства» и развернул бурную деятельность. В своем выступлении 8 февраля 1911 г. на съезде «Братства» в Минске он отчитывался: «В отделе насчитывается свыше 150 братчиков, хотя возник он недавно. В течение прошлого года было устроено 75 религиозно-нравственных братских бесед, на которых перебивало 30 тысяч слушателей, считая в среднем 400 человек на каждой беседе. В веру православную обращено два католика, два раскольника и два еврея. Предотвращено одно отпадение. Отдел построил школу, на которую собрали 6000 рублей. Собрано 1036 рублей на новую церковно-приходскую школу. Открыли свою потребительскую лавку, в число пайщиков записалось уже 50 человек на сумму 643 рубля».

В 1911 г. А.А. Русецкий создал в Еремичах общество потребителей «Братство», поставившее местным жителям товары дешевле, чем евреи. 21 сентября 1911 г. на следующем съезде «Минского Православного Народного Братства во имя Животворящего Креста Господня» он выступил с программным докладом «О необходимости работ отделам Братства на почве экономической и возможности на ней объединить народные массы». Главная идея – объединить народ посредством объединения усилий «Братства» и системы потребкооперации. По его докладу съезд постановил просить Минское потребительское общество оказывать всяческое содействие братским потребительским обществам.

Наконец, 4 декабря 1912 г. Еремичский отдел «Братства» создал собственное «Общество трезвости», выступившее с ходатайством о закрытии в селе казенной винной лавки. Членские взносы установили такие: с интеллигента – 1 рубль, с крестьянина – 20 копеек. Расходовались взносы на выпуск брошюр, газет и журналов религиозно-нравственного содержания [5].

Открытым остается вопрос о причастности о. Алексея Русецкого к политической деятельности. Известно, что он писал статьи в «Минское Слово», газету монархического, русско-националистического направления [5]. Бывший редактор «Минского слова» Д.В. Скрынченко вспоминал, что с открытием этой газеты началась «новая эпоха в общественной жизни Белоруссии, дотоле небывалая по своей национально-русской энергии; никогда еще тут не была таким ключом русская национальная мысль» [3].

Не чурались политики и некоторые из руководителей «Минского Православного Народного Братства во имя Животворящего Креста Господня». Так, председатель-

ствовавший на съездах «Братства» протоиерей о. Дмитрий Павский одновременно являлся и секретарем Минского отдела «Всероссийского Национального Союза». Эта известная национал-монархическая организация умеренного толка выступала за «господство русской народности, укрепление сознания русского народного единства, устройство бытовой самопомощи и развитие русской культуры, укрепление русской государственности». В отличие от более правых радикалов, «Национальный Союз» исповедовал неагрессивный национализм, а «национализм честного разграничения» (без воинствующего антисемитизма) ради единственной цели – «величия России» [8].

Нельзя не согласиться с А.Л. Ильиным и Е.А. Игнатюк в том, что за время служения в Еремичах о. Алексей проявил свои необыкновенные организаторские и ораторские способности, сумел заслужить «огромнейший авторитет среди крестьян» [5]. В самом деле, собирать на религиозно-нравственные беседы в не самом большом селе по 400 человек, в то время как в губернском городе Минске в больших храмах руководители «Братства» привлекали до 500 – 800 слушателей [8], – это о чем-то говорит... Но дело, очевидно, не только в личных качествах и авторитете священника среди прихожан. Ведь все эти народные братства, внебогослужебные беседы в храмах, православная потребкооперация, общества трезвости и т.п. – это, по сути, попытка Церкви стать ближе к простому народу, к его насущным нуждам, оживить в условиях кризиса Православной монархии приходскую жизнь и дать тем самым русской государственности широкую народную поддержку. И, судя по количеству депутатов-священнослужителей правого политического толка, избранных от западных губерний Российской империи в III и IV Государственные думы, новый курс РПЦ принес заметные плоды. В этом плане о. Алексея Русецкого можно рассматривать как одного из наиболее талантливых и успешных низовых деятелей новой волны священнослужителей, активно включившихся в смутные годы Первой русской революции в борьбу за Святую Праведную Русь.

Когда началась Первая мировая война, в с. Еремичи 23 июля 1914 г. состоялась патриотическая манифестация крестьян волости. А.А. Русецкий вскоре был мобилизован в армию и уехал к месту назначения. Семья же его: жена Анна и три дочери, – всю войну оставалась в Еремичах, лишь некоторое время прожила в местечке Столин, Пинского уезда, Минской губернии, у «швагра» (в данном случае, видимо, двоюродного брата жены) – православного священника Льва Роздяловского [5].

Отец Алексей был назначен полковым священником в прибывший на фронт из Западной Сибири 8-й Сибирский казачий полк. Это назначение в конечном итоге связало его с Сибирью и предопределило его участие в Гражданской войне на востоке России на стороне белых. В Сибири А.А. Русецкий использует свой довоенный практический опыт и дослужится до высокой должности Главного священника Восточного фронта.

(продолжение следует)

Библиографический список:

1. Выпускники Санкт-Петербургской духовной академии // URL// <http://www.petergen.com/bovkalov/duhov/spbda.html> (дата обращения: 24.09.2017).

2. Википедия// URL// [https://ru.wikipedia.org/wiki/Еремичи_\(Гродненская_область\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Еремичи_(Гродненская_область)) (дата обращения: 24.09.2017).
3. Википедия// URL// https://ru.wikipedia.org/wiki/Минское_слово (дата обращения: 24.09.2017).
4. Государственный Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 54. Оп. 3. Д. 4.
5. Ильин А.Л., Игнатюк Е.А. Алексей Русецкий. История жизни. Ч. 1 // URL// <http://www.istpravda.ru/research/12949/> (дата обращения: 24.09.2017).
6. Ильин А.Л., Игнатюк Е.А. Очерки истории культуры Пинцины (IX – нач. XX в.). – Пинск: ПолесГУ, 2013. – 220 с.
7. Русская армия в Великой войне: Картотека проекта: Русецкий Борис Антонович // URL// <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=5574> (дата обращения: 24.09.2017).
8. Священномученик протоиерей Димитрий Павский (1874 – 1937) // Императорское Православное Палестинское общество // URL// <http://www.ipro.ru/historyipro/article/svyaschennomuchenik-protoiery-dimitriy-pavskiy-18-202583> (дата обращения: 24.09.2017).
9. Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. – Новосибирск, 2010. – 610 с.
10. Симонов Д.Г. История II Степного корпуса белой Сибирской армии (1918 год). – Новосибирск, 2001. – 172 с.

УДК 322

ГЛАВНЫЙ СВЯЩЕННИК ВОСТОЧНОГО ФРОНТА ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСЕЙ РУСЕЦКИЙ

Часть 2

Окончание. Начало в «Вестнике Омской Православной Духовной Семинарии» № 2 (3) 2017.

*Владимир Александрович Шулдяков,
кандидат исторических наук, доцент кафедры технического обеспечения
(и тактики) Омского автобронетанкового инженерного института –
филиала ФГКВОУ ВО «Военная академия материально-технического
обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева»*

Аннотация. Статья посвящена исследованию биографии главного священника 2-го Степного корпуса, Сибирской армии и Восточного фронта протоиерея о. Алексея Русецкого. На основании широкого круга архивных источников и новейшей историографии воспроизводятся главные вехи жизненного пути этого выдающегося священника Сибирского казачьего войска и православного проповедника Белоруссии.

Ключевые слова: история Русской Православной Церкви, Первая мировая война, Гражданская война, военное духовенство, Сибирь, Польша, Белоруссия.

CHIEF PRIEST OF THE EASTERN FRONT PROTOIEREY ALEXEY RUSSETSKY

Part 2
(ending)

*Vladimir Alexandrovich Shuldyakov,
PhD in history, associate professor of the Chair of technical support
(and tactics) of the Omsk Automobile and Armored Engineering Institute –
branch of the FSUE of HE «Military Academy of Material and Technical
Support named after General of the Army A. V. Khrulyov»*

Annotation. The article is devoted to the study of the biography of the chief priest of the 2nd Steppe Corps, the Siberian Army and the Eastern Front, protopriest Alexey Rusetsky. Based on a wide range of archival sources and modern historiography, the main milestones in the life of this outstanding priest of the Siberian Cossack army and the Orthodox preacher of Belarus are reproduced.

Keywords: history of the Russian Orthodox Church, the First World War, the Civil War, the military clergy, Siberia, Poland, Belarus.

Алексей Антонович Русецкий (1871–1945) принадлежал к той волне священнослужителей, которые в годы Первой русской революции активно включились в борьбу за Православие, монархию, русские национальные интересы. Служа до Великой войны в Еремичах Новогрудского уезда Минской губернии, он создал в этом волостном селе отдел «Минского Православного Народного Братства во имя Животворного Креста Господня», потребительское общество «Братство», «Общество трезвости». Более того, выступил с идеей сплотить русский народ посредством соединения усилий «Православного Народного Братства» и системы потребкоопе-

рации. Плодотворная организационно-приходская деятельность, регулярные и популярные у народа внебогослужебные религиозно-нравственные братские беседы в храме, заведование женской церковно-приходской школой, строительство в волости новых школ, наконец, конкретная помощь остро нуждавшимся православным людям – все это позволило о. Алексею Русецкому в полной мере проявить свои организаторские и ораторские таланты, дало ему «огромнейший авторитет среди крестьян» и бесценный опыт работы в народной толще [см.: 51]. Этот его опыт оказался востребован в Сибири периода Гражданской войны.

Восстановлению биографии А. А. Русецкого много поспособствовали исследователи из Полесского госуниверситета в г. Пинске (Республика Беларусь) супруги Александр Ильин и Елена Игнатюк, которые нашли целый ряд документов, проливающих свет на деятельность о. Алексея в начале 1910-х и в 1920-е – 1930-е годы. Особую ценность представляет автобиография священника-белоэмигранта, составленная им в 1923 г. с целью получения польского гражданства. Текст ее был опубликован белорусскими исследователями в 2014 году в статье о трех братьях Русецких [20]. В следующем году А.Л. Ильин и Е.А. Игнатюк написали и опубликовали в Интернете (в трех частях) «Историю жизни» Алексея Русецкого [16; 17; 18]. Однако сибирский период, апогей в служении отца Алексея Церкви и Российскому государству, описан в этой «Истории» бегло, скудно, фактически лишь обозначены основные вехи. Попробуем хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

3. С сибирскими казаками

О своем участии в Великой войне в автобиографии 1923 года о. Алексей написал так: «...Я был мобилизован и назначен военным священником в 8-й Сибирский казачий полк и выехал с полком на Западный фронт. 14 февраля 1915 года был ранен под Праснышем и лечился в госпитале, а после выздоровления вернулся в полк и оставался в нем до конца войны с немцами» [16].

Главный священник Восточного фронта протоиерей о. Алексей Русецкий

По данным А.Л. Ильина и Е.А. Игнатюк, Алексей Русецкий занимал должность полкового священника 8-го Сибирского казачьего полка с 15 марта 1915 г. (старого стиля – *В.Ш.*) по 23 февраля 1918 года (стиль? – *В.Ш.*) [16]. По данным же списка по старшинству офицеров и клас-ных чиновников 8-го Сибирского казачьего полка, он был полковым священником лишь со 2 апреля 1915 г.¹ В этом же списке указано, что, будучи в походах с 1915 г., ранен и контужен о. Алексей не был [12, л. 101 об.].

Разнобой в датах, скорее всего, отражает стадии прохождения кадрового решения. Видимо, сначала священник был прикомандирован к полку (не позже февраля 1915 г.), затем последовали какой-то промежуточный приказ (15 марта) и, наконец, Высочайший приказ о зачислении в списки части (2 апреля).

Что касается ранения, в традициях Русской Императорской Армии было не указывать легкие раны в служеб-

¹Здесь и далее даты по старому стилю.

ных списках; дескать, что выпячивать свои «царапины», когда товарищи умирают или становятся калеками. Но в эмиграции, чтобы размягчить сердца польских чиновников и получить гражданство Второй Речи Посполитой, о них можно было и вспомнить.

А.Л. Ильин и Е.А. Игнатюк пишут: «На фронте Алексей Русецкий храбро сражался, был ранен и награжден четырьмя боевыми орденами: Св. Анны 2-й и 3-й степени (с мечами и бантами) и Св. Владимира 3-й и 4-й степени (с мечами и бантами)» [16]. Конечно, военные священники в буквальном смысле не сражаются, не в этом их предназначение, и с количеством боевых орденов, и с мечами на них явный перебор. И банты, кстати, давались лишь офицерам за боевые заслуги и полагались не всем перечисленным степеням орденов.

Согласно помянутому полковому списку по старшинству, Русецкий к 1 января 1917 г. был награжден только двумя орденами: Святой Анны 3-й степени с мечами в 1915 году и Св. Анны 2-й ст. (без мечей) в 1916 г. [12, л. 101 об.]. Вряд ли он успел получить два боевых Владимира в 1917 году, т.к. в 1916–1917 гг. его 8-й полк то сидел в окопах, не имея ярких дел, то нес охранную службу в тылу фронта, а за нее боевых наград не давали. Тем не менее, наличие одной только Анны 3-й степени с мечами уже говорит о том, что под огнем противника священник побывал и проверку эту выдержал достойно.

8-й Сибирский казачий полк войскового старшины А.И. Белова был отправлен из Сибири на фронт в составе 2-й бригады Сибирской казачьей дивизии и по прибытии в район Варшавы был включен 20 декабря 1914 г. в качестве корпусной конницы в состав 2-го Сибирского армейского корпуса генерала от инфантерии А.В. Сычевского [2, с. 11]. В феврале 1915 г. корпус Сычевского бросили на спасение окруженного немцами г. Прасныш. 14 февраля, в день ранения А.А. Русецкого, три неполные сотни 8-го полка в ходе комбинированного боя с германцами у деревни Черняки (на «Праснышском фронте») наголову разгромили два эскадрона 3-го Конно-гренадерского короля Шведского полка, захватили два неприятельских склада с большими запасами продовольствия и фуража, взяли пленных, в том числе одного эскадронного командира в чине ротмистра [1, с. 115-119].

И в дальнейшем 8-й Сибирский казачий полк «лихо выполнял боевые задачи». «Сотни полка все время бессменно работали, ведя разведку, неся службу связи, всегда с полным рвением и усердием при всяких обстоятельствах боевой обстановки, подчас очень серьезной». Будучи последним резервом корпуса, полк не раз выручал в тяжелых ситуациях своих сибирских стрелков, в частности, героически прикрывал их отход в июле 1915 г. В августе вместе с корпусом из района городов Люблина и Бреста он был переброшен под Ригу. Только в феврале 1916 г. после четырнадцати месяцев боевой работы со 2-м Сибирским армейским корпусом 8-й полк вернули в состав родной ему Сибирской казачьей дивизии [1, с. 114]. Дивизию эту в 1916 г. и до весны 1917 г. использовали вместо пехоты в окопах. Летом–осенью 1917 г. полки дивизии несли охранную службу в тылу.

Не найдено пока письменных свидетельств с деталями службы о. Алексея Русецкого в 8-м Сибирском казачьем полку. Зато есть несколько фотографий, показывающих полкового священника в разных ситуациях: во время молебнов в полевых условиях, с нижними чинами у братской могилы, с офицерами полка. По ним складывается впечатление, что священник органично вписался в полковой коллектив,

*Прием пищи офицерами 8-го Сибирского казачьего полка на биваке у деревни Крамагорки. Германский фронт, 19 июня 1916 г.
Отец Алексей Русецкий сидит по правую руку от командира полка полковника П.П. Иванова (наклонился к столу)*

стал для сибирских казаков своим человеком. Особенно показательны фото приема пищи командиром и офицерами 8-го Сибирского казачьего полка на биваке у деревни Крамагорки 19 июня 1916 г. [46, с. 184-185]. На этом снимке символично то, что о. Алексей сидит по правую руку от командира полка полковника Павла Павловича Иванова, будущего Иванова-Ринова – войскового атамана сибирцев, командира 2-го Степного корпуса и командующего Сибирской армией. И если Иванов-Ринов в Гражданскую войну потянул Русецкого за собой вверх по карьерной лестнице, значит, он высоко оценивал способности, потенциал своего бывшего полкового священника.

По данным А.Л. Ильина и Е.А. Игнатюк, А.А. Русецкий с 20 марта 1916-го по 23 декабря 1918 года являлся благочинным 2-й Сибирской казачьей дивизии [16]. Здесь две очевидные ошибки. Во-первых, единственная в Великую войну конная дивизия сибирских казаков (безномерная) была расформирована в январе–мае 1918 г. А 2-я Сибирская казачья дивизия появилась лишь в Гражданскую войну: летом 1919 года. Поэтому Русецкий, видимо, был благочинным 2-й бригады Сибирской казачьей дивизии (эта бригада как раз состояла из 7-го и 8-го Сибирских казачьих полков) по 23 декабря либо 1916 года, либо, что более вероятно, 1917-го. Причем, скорее всего, он совмещал должности благочинного 2-й бригады и полкового священника 8-го полка.

После Октябрьского переворота, с началом демобилизации «старой» Русской армии, 8-й Сибирский казачий полк был отправлен большевиками с Западного фронта домой в Сибирь. Как военный священник Русецкий обязан был оставаться в своем полку либо до увольнения из армии, либо до перевода в другую часть. Вместе с полком, взяв с собой жену, белорусский священник отправился в дотоле неведомую ему Западную Сибирь. Видно, он надеялся на быстрое расформирование полка и скорое возвращение домой, так как трех дочерей супруги оставили на малой родине – у родни. Наверное, не захотели посреди учебного года ломать своим девочкам процесс обучения. Русецкий с супругой оказываются в Петропавловске [16], уездном городе Акмолинской области, где началось расформирование 8-го Сибирского казачьего полка и где они пережили установление советской власти.

Если, согласно Ильину и Игнатюк, Русецкий покинул пост полкового священника 8-го Сибирского казачьего полка 23 февраля² 1918 г. [16] (надо полагать, тогда же последовала и его демобилизация из армии), почему он сразу же не уехал из Сибири к оставленным в Минской губернии детям?

Дело в том, что пока священник следовал с полком в Сибирское казачье войско, пока завершал в Петропавловске служебные дела и отчетность, военно-политическая ситуация в стране, особенно в ее западных губерниях, кардинально менялась. Затеяв перемирие и сепаратные переговоры с Германией, затем сорвав 11 февраля 1918 г. переговорный процесс (глава советской делегации в Брест-Литовске Л.Д. Троцкий-Бронштейн занял совершенно непонятную другой стороне позицию: «Ни мира, ни войны, а армию распускаем»), большевики спровоцировали внешнего противника на активные действия. 18 февраля 1918 г. началось новое и последнее на Восточном фронте Первой мировой войны наступление германцев и австро-венгров. Их операция называлась «Фаустшлаг», т.е. «Удар кулаком». Они продвигались малыми силами, но быстро, пленяя остатки «старой» Русской армии, захватывая оставшиеся от нее колоссальные запасы вооружений и военного имущества (орудий немцы захватили более 5,5 тысячи, пулеметов – около 10 тыс., винтовок – 800 тыс., паровозов – 2,1 тыс., аэропланов – 152 и т.д.). Уже 21 февраля 1918 г., на четвертый день наступления, противник занял г. Минск [8, с. 284-285]. Родные места четы Русецких оказались оккупированы германцами. 24 февраля правительство В.И. Ульянова-Ленина приняло германский ультиматум, и 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был заключен сепаратный мир, по условиям которого от России были отторгнуты не только Белоруссия, но и Польша, Украина, Прибалтика, Крым, т.е. страна лишилась территории в 780 тыс. кв. км с населением 56 млн. чел., 40% своей промышленности и одной трети всей пашни. К тому же немцы не очень-то считались с границами, установленными Брестским миром, и на целом ряде участков их ударные группы в марте–апреле 1918 г. продолжили наступать в восточном направлении, останавливаясь лишь тогда, когда встречали вооруженное сопротивление советских заслонов. Так, немцы заняли западные районы области войска Донского (Донбасс, гг. Таганрог и Ростов-на-Дону) и оттуда пытались наступать на Кубань [49]. Ехать в Белоруссию в феврале–марте 1918 г. значило попасть в зону боевых действий, в хаос, и нет ничего удивительного в том, что Русецкие решили временно задержаться в Петропавловске, чтобы дожидаться хоть какой-нибудь стабилизации на новой западной границе Советской России. Эта задержка предопределила участие о. Алексея в Граж-

²Стиль неизвестен. Далее даты по новому стилю.

данской войне в Сибири. К тому же в новом для него крае ему сразу же нашлось живое и даже рискованное дело.

Полковник П.П. Иванов, бывший командир 8-го полка, привел с Кавказского фронта в Петропавловск свою Отдельную Сибирскую казачью бригаду (1-й и 2-й Сибирские казачьи полки, бригадные команды) и приступил здесь к ее расформированию. Параллельно с легальной деятельностью он создал в январе 1918 г. (стиль? – В.Ш.) при Петропавловском станичном правлении тайную военную организацию для свержения советской власти из казаков ближайших станиц и офицеров. Сам П.П. Иванов работал в подполье под псевдонимом Ринов. В дальнейшем он объединил нелегальные военные организации Петропавловска и Омска, сам обосновался в областном центре, а вместо себя в Петропавловске оставил войскового старшину В.И. Волкова [13, л. 4 об.; 11, л. 97– 97 об.].

Вероятно, с деятельностью белых подпольщиков связан всплеск контрреволюционной агитации в сельской местности Петропавловского уезда, который одна из местных газет зафиксировала уже на рубеже февраля–марта 1918 г. По ее сведениям, по уезду разъезжали священники (! – В.Ш.) и другие лица и вели «вредную агитацию против советской власти», распуская ложные, с точки зрения совдепа, слухи и «натравливая» одну часть населения на другую. Исполком уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов предложил всем волостным совдепам арестовывать таких лиц и направлять к нему в Петропавловск [28, с. 2].

Уже при белых в войсковом еженедельнике «Иртыш» была опубликована заметка К. Марковича «Отрадное явление», видимо, принадлежащая перу известного духовного писателя священника Константина Марковича Околовича. Заметка посвящена чествованию «Петропавловским просветительским благотворительным союзом православных братчиков и сестриц» своего члена священника Алексея Антоновича Русецкого по случаю назначения его на пост главного священника Сибирской армии и оставления им г. Петропавловска. Согласно К. Марковичу, после возвращения с Германского фронта и расформирования 8-го Сибирского казачьего полка Русецкий стал миссионером-проповедником в Петропавловске. В этом качестве он «совершает с опасностью для своей жизни миссионерские поездки по (Омской – В.Ш.) епархии, силою своего мощного слова бичует большевизм, зовет народ к братскому единению и открывает во многих местах отделы братства». Отец Алексей открыл 83 отдела братства, собрал на благотворительные цели 23 тыс. руб., из которых была оказана помощь местному союзу увечных воинов, приюту, беженцам, заключенным тюрьмы. Официально «Союз православных братчиков и сестриц» являлся лишь просветительским и благотворительным обществом, реально же был глубоко оппозиционен советской власти и фактически вел против нее подрывную работу. Видимо, этот союз сыграл важную роль в агитационно-пропагандистской подготовке антисоветского переворота, а лично Русецкий своей миссионерской деятельностью, по оценке Марковича, «поднял воинский дух казаков» [27, с. 11; 50, с. 63]. Нет никаких указаний на то, действовал священник по заданию белого подполья или по собственному почину. Но результаты его работы были впечатляющими, а риск ареста большевиками отнюдь не выдуманным. Даже если полковник Иванов-Ринов и не руководил непосредственно деятельностью Русецкого, он не мог не оценить его организаторского таланта, смелости, умения работать с людьми.

4. В Гражданской войне

25 мая 1918 г. началось восстание Чехословацкого корпуса, эшелоны которого растянулись от Пензы до Владивостока. Гражданская война охватила большую часть страны. В ночь на 31 мая чехи и подпольная организация войскового старшины В.И. Волкова произвели переворот в Петропавловске. 7 июня, после Второго Марьяновского боя, красные оставили Омск. Выйдя из подполья, полковник П.П. Иванов-Ринов приступил к созданию 2-го Степного корпуса Западносибирской армии. С 25 июня 1918 г. о. Алексей Русецкий стал исправлять обязанности корпусного священника Степного корпуса, правда, в приказе по корпусу это было отражено лишь 7 августа [35, приказ № 98 (по части строевой), § 2]. Видимо, значительную часть лета 1918 г. он провел в разъездах по краю и встречах с населением и воинскими чинами новой армии. В Российском государственном военном архиве, в фонде штаба Сибирской армии сохранились и нуждаются в изучении письма А.А. Русецкого о поездке его по Акмолинской области [см.: 38]. Миссионерско-проповедническая деятельность о. Алексея была высоко оценена военным командованием. Последовал приказ командующего Сибирской армией и управляющего военным ведомством Временного Сибирского правительства генерал-майора А.Н. Гришина-Алмазова: «Миссионера-священника Петропавловского братства о. Алексея Русецкого назначаю исп. об. Главного священника вверенной мне армии с 31-го августа 1918 г.» [45]. Так о. Алексей стал отвечать за духовное окормление всей Сибирской армии. Судя по одному из его пастырских обращений, осенью 1918 г. он объехал воинские части всего «западного фронта» армии [32, с. 207].

В ноябре 1918 г. в качестве главного священника Сибирской армии о. Алексей присутствовал на Томском Соборном совещании членов Всероссийского Поместного собора, создавшем единый центр церковной власти на Востоке России, а именно: Временное высшее церковное управление (ВВЦУ). Когда на совещании епископ Томский и Алтайский Анатолий вину за развал России в 1917 г. возложил на армию и военное духовенство, Русецкий выступил с горячей отповедью [7; 32, с. 39-40]. Он сказал, что такое «огульное обвинение» ударило военных священников «в самое сердце» и «отзовется долгой тупой болью в сердце русского воинства». «Вы обвиняете военное духовенство в разложении армии, – с горечью говорил Русецкий. – Но кто из вас, обвинители, видел нас, когда мы годами сидели в сырых окопах под градом пуль и снарядов, когда мы гнили в болотах, когда нас травили удушливыми газами, когда нас заедали паразиты, когда мы, сидя в земле, месяцами не видели солнца, когда мы на чуждых нам полях Польши и других фронтах совершали томительные переходы без воды, в пыли и грязи, не досыпая и не доедая месяцами. Вы знаете, обвинители, сколько военных священников убито, ранено, контужено, сколько томится в плену? Обо всем этом вы забыли. В то время вы сидели дома и только ждали от нас подвигов. Мы их совершили: об этом скажет история. И вот как вы нас благодарите за наши подвиги, раны и болезни...»

По мнению о. Алексея, надо, наконец, научиться замечать не только отрицательные стороны в рядах русского воинства, но и положительные, воздавать честь и славу не только «пришельцам» (очевидно, чехам и другим интервентам – *В.Ш.*), но и «своим родным сынам, которые, хотя и больные, но все же наши дети, наша плоть и кровь». В такой исторический момент, когда «истекающая кровью мать Родина требует к себе полной сыновней самоотверженной любви всех ее сынов», необходимо

«очень бережное отношение к ее выздоравливающему детищу, молодой армии, надежде и спасительнице России». «Как бы Вы не обвиняли армию, – говорил Русецкий, – все-таки нужно сознаться, что спасение от большевизма и прочих недугов мы можем получить только через армию как здоровую нашу силу, как живое воплощение нашего бытия. Ведь благодаря только армии Вы сидите здесь, и мы все получили возможность собраться сюда».

А.А. Русецкий объяснил, почему «всеми фибрами своей души протестует против такого тяжкого обвинения армии епископом Анатолием». Потому что, по его твердому убеждению, «разложение армии началось не на фронте, а в тылу» и «сидящую в окопах армию насильно удалили из окопов руководители политической жизни России тыловой, а не фронтовой». «Господь наш Иисус Христос всю вину приписал не соблазненным, а соблазнительям, – говорил о. Алексей. – Вы же, Преосвященнейший епископ Анатолий, обвиняя армию, совершенно умолчали о тех главных виновниках, которые довели ее до такого состояния и делали это сознательно».

Свою речь оратор завершил следующим: «Когда мы ехали сюда, то рассчитывали услышать слова мира, любви и взаимной поддержки, но вместо этого услышали слова осуждения, упреков и даже вражды. Если мы будем только упрекать друг друга, то я боюсь, как бы работа такого Высокого Собрания, как Сибирский Священный Собор, не свелась, в конце концов, к сведению личных счетов» [42].

Совещание услышало и учло замечания Русецкого и до сведения личных счетов не опустилось. Рассмотрев военно-церковные вопросы, оно определило статус главного священника Сибирской армии как находящегося в непосредственном ка-

Полковой священник о. Алексей Русецкий с офицерами и чиновниками 8-го Сибирского казачьего полка. «Праснышский фронт», деревня Каминец, 1915 г.

ноническом общении с Временным высшим церковным управлением и предоставило ему право назначать священников в части действующей армии из состава епархиального духовенства и с согласия епископов соответствующих епархий [32, с. 40].

Пока в Томске шло Соборное совещание, в Омске случилось очень важное политическое действие: военный переворот 18 ноября 1918 г. и установление военной диктатуры Колчака. Прибыв в Омск, главный священник Сибирской армии А.А. Русецкий обратился к Верховному Правителю и Верховому Главнокомандующему Русской армией адмиралу А.В. Колчаку со следующими словами: «Военное духовенство Омского гарнизона, вознося свои горячие молитвы к престолу Всевышнего о здравии и благополучии Вашего Высокопревосходительства, счастливо приветствовать в Вашем лице единоличную Верховную власть, которая единственно только и может положить предел партийному шатанию умов, приведшему нашу Родину на край гибели. Духовенство, всегда стоящее на страже мира, правды и любви, и впредь будет молить Бога о ниспослании Вам крепости и сил с Божьего благословения возродить Россию и явить ее снова единой и сильной в ряду прочих Великих Государств. Все свои душевные и телесные силы духовенство беззаветно отдаст на поддержку Вашего Высокопревосходительства и нашей доблестной армии». 3 декабря 1918 г. Колчак ответил на это приветствие: «Главному Священнику Сибирской Армии Русецкому. Прошу передать духовенству гарнизона мою искреннюю благодарность за молитвы и приветствие. Знаю, что духовенство, верное заветам Христа, и впредь положит все силы, дабы вести свою паству по пути веры, правды и добра» [34, с. 61-62].

Большое значение для войск имело пастырское обращение А.А. Русецкого «Военному духовенству Сибирской армии» от 13 декабря (30 ноября) 1918 г. [43, с. 124-125; 32, с. 41, 75, 206-208; 7].

В начале обращения указывалось на то, что «Церковь Православная переживает времена чрезвычайные, что представители ее – Архипастыри и Пастыри – подвергаются гонениям, жесточайшим мучениям и даже смерти за Веру Христову, что

Отец Алексей Русецкий на молебне чинов 8-го Сибирского казачьего полка в деревне Плессы, 1915 г.

Православная Церковь стала, как в первые века христианства, воинствующей и должна поэтому выступить во всеоружии своей духовной мощи на борьбу с врагами Христовой Веры». По мнению о. Алексея, все беды «посланы Богом для нашего испытания и вразумления, для укрепления нашей оскудевшей веры, для нашего исправления и спасения», эти беды временны, но, чтобы справиться с ними, пастырям надо укрепить

собственную веру и передать ее в «восприимчивые сердца молодых воинов». Пастыри должны «положить все усилия к укреплению духа нашей молодой армии, укреплению ее веры в помощь Божию, в правоту своего дела, в свои собственные силы». «На нас, военных священниках, – говорилось в обращении, – лежит долг возродить и оздоровить армию и спасти Родину. Мы все должны проникнуться одной мыслью, что [в] настоящее чрезвычайное время все должно быть для Родины и что мы, пастыри, первые должны проявить высшую степень доблести, мужества и самопожертвования». В пример были приведены полковые священники 4-го Енисейского и 6-го Мариинского стрелковых полков, раненные в бою и тем самым запечатлевшие «свой пастырский долг своею кровью».

Главный священник Сибирской армии просил военное духовенство армии «усугубить свою пастырскую работу», причем подчеркивал: «Чтобы успешно влиять на воинские части, нужно стать возможно ближе к ним...», – и предлагал для этого целый комплекс мер. Тезисно их можно сформулировать так:

1. В первую очередь восстановить в частях утренние и вечерние молитвы.
2. Возможно чаще посещать окопы и другие места расположения частей «со словом утешения, мира и любви».
3. Чаще вести «задушевные беседы» с офицерами и солдатами.
4. Чаще совершать богослужения, «не стесняясь ни местом, ни временем, ни количеством молящихся».
5. В беседах объяснять ложь и гибельность большевизма, но при этом избегать политиканства.
6. «Раскрывать опасность упадка духа воинов, для чего самим быть примером мужества, стойкости и воинской дисциплины».

Завершалось пастырское обращение очень душевно: «Ценю, дорогие сопастыри, Ваши труды, целую Ваши раны, радуюсь за вверенное мне духовенство и благодарю Господа, благодетеля к нам» [43, с. 124-125; 32, с. 206-208].

Самоотверженная и плодотворная деятельность главного священника Сибирской армии на благо Родины и Церкви была по достоинству оценена военным командованием. Командующий Сибирской армией генерал-майор П.П. Иванов-Ринов ходатайствовал о награждении его саном протоиерея и Георгиевской лентой для ношения наперсного креста. По данным Д.В. Олихова, 20 декабря 1918 г. Временное высшее церковное управление удовлетворило это ходатайство [32, с. 113]. По сведениям же А.Л. Ильина и Е.А. Игнатюк, ВВЦУ удостоило о. Алексея Русецкого сана протоиерея и наградило его Золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте 30 (17) декабря 1918 г. [16]. Возможно, в датах нет противоречия, если 20 декабря – день решения ВВЦУ, а 30 (17) декабря – день утверждения этих наград Верховным Правителем и Верховным Главнокомандующим адмиралом А.В. Колчаком. Между прочим, под речью главного священника Сибирской армии на Томском Соборном совещании, датированной 22 ноября 1918 г., стоит подпись: «Протоиерей Алексей Русецкий» [42]. Видимо, эту речь размножали типографским способом уже в самом конце декабря 1918 г.–начале 1919 г. и учли при этом новый сан о. Алексея.

В декабре 1918 г. в ходе военных реформ А.В. Колчака Сибирская армия была расформирована, вместо нее приказом Верховного правителя и Верховного Главнокомандующего от 24 декабря 1918 г. из Екатеринбургской группы войск была образована новая Сибирская армия под командованием генерала Р. Гайды. Для формиро-

Отец Алексей Русецкий и казаки 8-го Сибирского казачьего полка у братской могилы, 1915 г.

вания ее штаба использовали штаб прежней Сибирской армии, который в кратчайший срок перебазировали из Омска в Екатеринбург. Есть данные, что протоиерей Русецкий был назначен главным священником Западной армии [32, с. 77] (сформирована из частей Самарской и Камской групп войск, 3-го и 6-го Уральских корпусов). Возможно, приказ о таком назначении и состоялся. Однако в действительности, согласно целому ряду свидетельств, А. Русецкий остался в новой Сибирской армии и в прежнем статусе главного священника армии.

Известна телеграмма главного священника Сибирской армии А.А. Русецкого Верховному Правителю А.В. Колчаку из освобожденного от большевиков города Осы Пермской губернии от 8 марта 1919 г.: «Возблагодаривши Господа в Осинском соборе за дарованное чудо богатырям-сибирцам с непобедимой колонной полковника Казагранди, помолившись за здоровье Вашего Высокопревосходительства и верной Вам непобедимой Армии, счастлив передать чувство беспредельной благодарности от жителей г. Осы за освобождение от ненавистного ига большевистского. Радость горожан не описана». 17 марта Верховный Правитель ответил телеграммой: «Оса. Протоиерею Алексею Русецкому. Благодарю Вас и жителей Осы за выраженные чувства. Твердо верю, что освобожденное от гнета большевиков население города Осы поможет нашей доблестной Армии и впредь в ее самоотверженной борьбе за светлое будущее единой России. Адмирал Колчак» [34, с. 203].

Интересно, что телеграмму Колчаку от 8 марта Русецкий подписал не только как главный священник Сибирской армии, но и как «уполномоченный» [34, с. 203] (надо полагать, уполномоченный командующего Сибирской армией). Видимо, в качестве уполномоченного командарма о. Алексей организовывал работу с населением в

освобожденных армией районах. В том числе объяснял рабочим Урала, чем власть Омского правительства лучше советской власти. Так, известно его «Пастырское обращение к рабочим Мотовилихинского завода», выпущенное в г. Перми и датированное 4 июня (22 мая) 1919 г. [4, с. 197-199].

Так называемые «Пермские пушечные заводы», расположенные в селе Мотовилиха близ Перми, по данным А.В. Суханова, в начале XX в. ежегодно производили для Русской армии по 180–200 артиллерийских орудий и по 140–150 тысяч снарядов к ним. В Первую мировую войну объемы производства пушек и снарядов выросли втрое, а в Гражданскую в Мотовилихе стали делать и бронепоезда [4, с. 199]. Ясно, что для скудной в военно-промышленном отношении белой Сибири «Пермские пушечные заводы» имели важное оборонное значение. От того, будут рабочие Мотовилихи хорошо работать или станут саботировать действия белых властей, во многом зависело, удастся ли наладить на заводах хоть сколько-нибудь масштабное производство вооружения и боеприпасов для колчаковской армии. Когда весной 1919 г. Красная армия подошла к р. Каме, создав угрозу Пермскому военно-промышленному району, большевистская агитация и, естественно, колебания рабочих резко усилились. Для отступавшей же белой армии, уступающей красным и в численности, и в вооружениях, важно было каждое новое орудие, каждый снаряд. В этих условиях о. Алексей и счел необходимым обратиться к трудящимся Мотовилихи.

Обращаясь к «дорогим братьям рабочим», Главный священник Сибирской армии, прежде всего, указывал, что для того чтобы воевать с красными, переноса «все ужасы братской бойни», «мы должны быть уверены в правоте своего дела, мы должны твердо знать, почему большевики – враги и почему мы ведем с ними борьбу».

Для автора пастырского обращения большевики – это «самые заклятые враги всего русского народа», «изменники и предатели нашего Отечества», продавшие «за деньги свою совесть, святую Православную русскую веру и благо Отечества», ведущие страну «к неминуемой духовной и политической гибели», они – братоубийцы, залившие «русскую землю братской кровью», обманщики, обещавшие «земной рай» и свободу, а на деле разорившие дотла Русское государство и обрекшие русский народ на нищету, рабство, позор и унижение. Впрочем, автор оговаривался, что «глав-

Молебен 8-го Сибирского казачьего полка. «Праснышский фронт», 17 мая 1915 г.

ные виновники большевистской смуты) – это вовсе не русские, что эта «кучка насильников» террором поддерживает власть над народом, а «русские люди – только слепые исполнители чужой, злой воли».

Основное внимание в обращении о. А.А. Русецкий уделил вопросам веры и гонениям на Русскую Православную Церковь. По его мнению, большевики заковали русский народ «в цепи постыдного духовного рабства, они отняли от русского народа то, что дороже жизни: ОТНЯЛИ СВОБОДУ ВЕРИТЬ И МОЛИТЬСЯ» (выделено автором пастырского обращения. – *В.Ш.*). Говоря о гонениях, о. Алексей на первое место поставил декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви: этим «безбожным декретом» большевики поставили церковь вне закона, и над нею стало возможным «совершать всякое насилие и издевательство». Они стали закрывать и осквернять храмы, «превращая их в театры, клубы, кинематографы и даже конюшни». «Они осквернили мощи святых Угодников Божиих, ...которые с радостью умирали за счастье, за свободу русского народа и своими подвигами сделали русский народ великим и славным». Упомянул Русецкий о сносе в Москве памятника генералу М.Д. Скобелеву (на Тверской площади, снесен 01.05.1918 г.), увидев в этом пример того, как большевики не щадят «священной памяти наших национальных героев». Но особое возмущение протоиерея вызвало сообщение о воздвижении в г. Тамбове памятника Иуде Искариотскому (о соответствующем постановлении Тамбовского совдепа писали в мае 1919 г. со ссылкой на советскую периодику белые газеты). «Это ли не безумие...», – писал о. Алексей. – Это ли не оскорбление русского народа и всего православного мира... Это ли не вызов Самому Господу нашему Иисусу Христу...» Главный священник Сибирской армии считал, что своими «безбожными декретами» (о гражданском браке и др.) большевики «развратили нашу семью, развратили нашу школу, наших детей, нанесли самое тяжкое оскорбление русской матери-христианке, они разрушили наш семейный очаг, наше семейное счастье и, наконец, посягнули на нашу душу».

А.А. Русецкий, указывая на некоторые из злодеяний большевиков, констатировал: «Пролитая ими братская кровь вопиет к небу, вопиет к разуму, к совести русского народа. Совесьть зовет нас на борьбу с этими извергами рода человеческого, – и продолжал: – Поэтому они как величайшие преступники и предатели должны быть побеждены и наказаны, и мира с ними быть не может». О. Алексей призвал мотовилихинских рабочих помочь «доблестной армии» «спасти Родину от позора, от неминуемой гибели», помочь «возвратить русскому народу святое право верить и молиться». В заключительной части протоиерея писал: «Помогите дать скорее измученной русской душе успокоение. На вас смотрят дети советской России, умирающие от духовного и физического голода, на вас с величайшим упованием смотрит вся Россия, ожидая от вас подвигов и чудес. Работайте же на оборону, не покладая рук, для скорейшего изготовления пушек и патронов, зная, что каждый час промедления унесет сотни жизней лучших сынов России, сражающихся за благо и счастье Родины против предателей и изменников». Заканчивалось пастырское обращение так: «Да воскреснет же в ваших сердцах Бог, и расточатся все враги Русского народа... Господь всем Вам в помощь» [4, с. 197-199].

В 1919 г. А.А. Русецкий по-прежнему исключительное значение придавал наставлению и воодушевлению военных священников, чтобы они являлись примером для всех верующих. В пастырском обращении, опубликованном 2 мая 1919 г. в газете

«Русская армия», он подчеркивал высокое предназначение своих «дорогих сопастырей»: «Работа военного духовенства в современной войне колоссальная... Пастырь как духовный вождь воинства своим наставлением воспитывает каждого в отдельности и всех вместе воинов; созидает, вдохновляет и укрепляет высокий строй их победоносного духа и вытекающую из него решимость на все высокое, доброе и святое; создает стремление подвизаться, страдать, и если нужно, то умереть за истину веры, правду и близких. Следя за настроением своих пасомых, он рассеивает их сомнения, отражает злые веяния, идущие со стороны, напоминая возможно чаще об огромной важности должного исполнения каждым солдатом – в пору строительства Родины – своего долга» [цит. по: 16].

Завидную настойчивость проявлял о. Алексей в борьбе с антирелигиозной и сектантской пропагандой. Так, известность получили его действия против кинокартины «Отец Сергей», снятой по одноименной повести Л.Н. Толстого. По его требованиям прокат этого фильма как «кощунственного и оскорбительного для религиозного чувства православных людей» был запрещен сначала в Омске, затем в Екатеринбурге [5, с. 35]. Статус Русецкого как главного священника Сибирской армии позволял ему решать такого рода вопросы очень быстро. Например, 25 марта 1919 г. он обратился по поводу кинокартины к уполномоченному командующего Сибирской армией по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Пермской губернии, а уже через два дня, 27 марта, получил ответ капитана Шуминского: «Ваше Высокопреподобие! Согласно Вашей просьбе сего числа я конфисковал всю картину «Отец Сергей» как оскорбляющую религиозное чувство». Капитан Шуминский был старшим помощником начальника военного контроля (т.е. начальника контрразведки – *В.Ш.*) при уполномоченном по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Пермской губернии [32, с. 92-93].

Важную роль отводил протоиерей А. Русецкий печатной пропаганде, на которую, однако, требовались немалые средства. В архиве сохранилась расписка-автограф главного священника Сибирской армии, написанная 3 июля 1919 г. в Екатеринбурге, о том, что им от начальника штаба Главнокомандующего Восточной группой армий и боевой флотилии получено 6 тыс. руб. «на оздоравливающую литературу для Армии» [37, л. 32].

По данным А.Л. Ильина и Е.А. Игнатюк, 25 июня 1919 г. о. Алексей был назначен главным священником Восточного фронта [16]. Дата назначения требует уточнения, т.к. в начале июля в упомянутой расписке-автографе Русецкий еще подписывался как главный священник Сибирской армии. Важнее, однако, другое: при разделении в июле 1919 г. Сибирской армии на две (на 1-ю и 2-ю армии) о. Алексей не только не остался без дела, но и получил несомненное повышение. Ведь Восточный фронт составили три армии: 1, 2 и 3-я (бывшая Западная). В подчинении Русецкого как главного священника Восточного фронта оказалось около двух тысяч церковнослужителей. Неверно, однако, утверждать, что он осуществлял «общее руководство деятельностью военного духовенства в армии Колчака» [16]. Эту функцию выполнял протоиерей Александр Касаткин, бывший священник штаба 1-й армии периода Великой войны, который в декабре 1918 г. с согласия Временного Высшего Церковного Управления был назначен Главным священником Армии и Флота [32, с. 75-77]. Деятельность о. А.А. Касаткина регламентировалась «Положением о Главном Священнике Армии и Флота (протопресвитере)» [см.: 32, с. 208-212]. 12 февраля 1919 г. им был

Минская губерния Российской империи

издан циркуляр «Духовенству действующей армии», в котором Касаткин высказал свои пожелания и требования к подчиненным – «соратникам» [см.: 32, с. 77-78, 212-216]. Поэтому еще вопрос, какую реальную роль сыграл о. А.А. Русецкий во введении в Российской армии адмирала А.В. Колчака должности гарнизонных благочинных [16].

Также не найдено пока документов, характеризующих отношение протоиерея Русецкого к крестоносному движению лета–осени 1919 г. Инициатором движения он явно не был, но, очевидно, подобно Главнокомандующему армиями Восточного фронта генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу должен был горячо поддержать формирование из добровольцев «Дружин Святого Креста» для защиты Христианской Веры и Православной Государственности.

Возможно, с зарождением крестоносного движения и в целом необходимостью поднять на более высокий уровень пастырскую деятельность в народе и армии связан срочный вызов о. Алексеем в Омск благочинного Сводно-казачьего корпуса протоиерея о. Константина Околовича. 26 августа 1919 г. протоиерей Русецкий телеграфировал ему на фронт: «Выезжайте немедленно, необходимо видеть» [40, л. 193]. Русецкий и Околович прекрасно знали друг друга, т.к. учились в одном

классе Минской духовной семинарии и вместе окончили ее в 1895 году, причем оба по 2-му разряду [3].

Протоиерей Константин Маркович Околович (1872, Минская губерния – 1933, Латвия) был известен не только как духовный писатель, но и как бывший депутат IV Государственной думы (от выборщиков Минского губернского избирательного собрания). Он входил в думе во фракцию правых и горячо выступал в ней против католической экспансии в юго-западных губерниях России, против униатов, сектантов и «еврейского засилья» [30; 31]. Оказавшись в 1918 г. в белой Сибири, о. Константин сначала был назначен полковым священником 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка [22, с. 13-14], а затем весной 1919 г. – благочинным Сводно-казачьего корпуса [41, л. 21 об.]. Конечно, К.М. Околович был для сибиряков чужим человеком, известным только узкому кругу лиц. Поэтому резонно предположить, что его военно-духовная карьера в Сибири сложилась благодаря протекции Русецкого. Очень скоро о. Константин покажет на посту благочинного Сводно-казачьего корпуса и широту своего кругозора, и понимание момента, людей, и организационный опыт. Его деятельность в 1918–1919 г., несомненно, требует специального исследования. Пока же ограничимся выводом, что включение в состав военного духовенства белой Сибири такого яркого священника, писателя, общественного деятеля было хорошим кадровым решением. И есть основание ставить это в заслугу именно о. А. Русецкому.

Патриотический и религиозный подъем августа–сентября 1919 г., напряжение всех душевных и материальных сил позволило белым в сентябре–октябре отбросить вторгшихся в Сибирь красных за р. Тобол. Однако этого оказалось недостаточно для общего перелома в Гражданской войне. После поражения в Петропавловской операции колчаковцы 14 ноября 1919 г. были вынуждены оставить свою столицу г. Омск. Попытка выстроить новую оборону по р. Оби у входов в тайгу из-за эгоистичной эвакуации Чехословацкого корпуса и других интервентов провалилась. Разложившийся тыл дал цепочку восстаний гарнизонов. Военное поражение обернулось катастрофой Белого движения в Сибири. А.А. Русецкий главной причиной гибели Верховного Правителя адмирала А.В. Колчака и его армии считал предательство чехов [16].

С остатками Российской армии адмирала А.В. Колчака о. Алексей проделал весь Великий Сибирский Ледяной поход и оказался в белом Забайкалье. В мае 1920 г. в Чите он был пожалован Знаком отличия Военного Ордена «За Великий Сибирский

Вознесенская церковь в волостном селе Еремичи, Новогрудского уезда, Минской губернии, в котором перед Великой войной служил о. Алексей Русецкий (снимок около 1900 года)

Поход» 1-й степени (серебряным с золотым мечом на Георгиевской ленте без банта) за № 153. Удостоверение к его награде подписали командующий Дальневосточной армией генерал-лейтенант Н.А. Лохвицкий и его начштаба Генерального штаба генерал-майор К.К. Акинтьевский [16].

У атамана Г.М. Семенова о. Алексей фактически сохранил свой высокий пост, т.к. 15 марта 1920 г. был назначен главным священником Войск Российской восточной окраины [16]. Видимо, в дальнейшем название этой должности менялось. Во всяком случае, есть указание на то, что 18 мая 1920 г. Г.М. Семенов назначил Русецкого главным священником Дальневосточной армии с подчинением ему всего военного духовенства Российской Восточной окраины [33, с. 254].

В начале июня 1920 г., приветствуя от православного духовенства Дальневосточной армии краевое народное собрание в Чите, Русецкий говорил: «Небывалое доселе в Русском государстве падение нравственности и полная экономическая разруха помогают, как нельзя более, нашим врагам в их преступной, разрушительной работе. С развращенным умом и сердцем, под влиянием голода, человек становится хуже зверя».

Задачи краевого народного собрания главный священник Войск Российской восточной окраины видел в следующем:

- 1) поднять народную нравственность и содействовать в этом духовенству;
- 2) уничтожить спекуляцию, наладить экономическую жизнь края;
- 3) поддержать мудрую национальную политику атамана Г.М. Семенова, в том числе его внешнеполитическую ориентацию на Японию;
- 4) «умиротворить край, примирить все враждующие классы, совершенно уничтожить партийность, погубившую Россию» [24, с. 2].

Содержание и формы работы военного духовенства и его руководителя в белом Забайкалье в целом оставались прежними. Богослужения, беседы, выпуск печатной продукции и т.д. Например, протоиерей А.А. Русецкий подписывал листовки к войскам [33, с. 254]. Однако появлялись и новшества. Так, при главном священнике Дальневосточной армии был образован военный хор. Читинская газета «Казачье эхо» сообщила о данном им 30 мая 1920 г. духовном концерте [25].

Однако дни белого Забайкалья были сочтены, оно не могло противостоять всей Советской России. После заключения Гонготского соглашения с большевиками (17.07.1920) японское командование 25 июля начало вывод своих войск из Забайкалья, завершившийся 15 октября. С уходом японцев режим атамана Г.М. Семенова не мог надеяться удержать прежнюю территорию. Белые решили заранее эвакуировать войска и учреждения на юг – к китайской границе. 16 августа правительство переехало из Читы в Борзю [17].

Очевидно, о. Алексей прекрасно понимал, что борьба проиграна. 23 августа 1920 г. он отбыл из Читы в Харбин. В исполнение обязанностей главного священника Дальневосточной армии вступил благочинный 3-го стрелкового корпуса о. Леонид Викторов, также участник Великого Сибирского Ледяного похода [33, с. 254; 6, с. 281]. Финальные бои в Забайкалье в октябре–ноябре 1920 г. прошли без Русецкого. Видимо, он поехал в Харбин в длительный отпуск, т.к. формально продолжал числиться главным священником армии до 1 июля 1921 г. [16]. В июле 1922 г., когда белые еще удерживали Южное Приморье, о. Алексей демобилизовался из армии и окончательно перешел на эмигрантское положение [17].

5. Эмиграция

Обосновавшись в центре Китайско-Восточной железной дороги городе Харбине, А.А. Русецкий работал там законоучителем в семилетней русской торговой школе [16] и, верный себе, занимался церковной и общественной деятельностью. В частности, он стоял у истоков оформления беженского православного прихода в Харбине [14, с. 129-130]. Видимо, это самое важное, что о. Алексей успел сделать для белой эмиграции в Китае. Именно по его инициативе созвали собрание русских беженцев 21 сентября 1921 г., на котором был организован беженский приход и избран комитет по строительству Покровской церкви [17].

Конечно, после пережитого супруги Русецкие больше всего на свете мечтали вернуться к оставленным детям в Белоруссию. Село Еремичи и многие другие места, с которыми была связана их довоенная жизнь, по советско-польскому мирному договору, заключенному 18 марта 1921 г. в Риге, отошли в состав Польской Республики [15]. Сдерживало то, что на переезд двух человек из Китая в Европу требовались большие деньги. Еще до своей формальной демобилизации, в марте 1922 г., о. Алексей послал из Харбина митрополиту православных церквей в Польше Георгию прошение с двумя просьбами: во-первых, назначить его на одно из вакантных мест митрополии, во-вторых, исходатайствовать ему визу на право въезда в Польшу и выслать ее в г. Триест польскому консулу [17]. Таким образом, к моменту написания прошения, видимо, и деньги нашлись, и маршрут морского путешествия вполне определился.

Согласно мемуарам Г.В. Енборисова, о. Алексей уехал из Китая на Запад в конце 1921 г. [14, с. 170]. А.Л. Ильин и Е.А. Игнатюк считают, что чета Русецких отплыла в Европу в начале 1923 г., хотя сами же они опубликовали прошение о. Алексея на имя епископа Новогрудского и Пинского Пантелеймона от 19 мая 1923 г., в котором Русецкий прямо писал: «8 сентября я с женой прибыл в Триест» [17]. Следовательно, супруги Русецкие покинули Китай в июле – начале августа 1922 г. Причем, согласно автобиографии о. Алексея 1923 года они сели на корабль во Владивостоке [20], который после майского переворота 1921 г. снова оказался у белых.

Прибыв 8 сентября 1922 г. в Триест, супруги обратились в польское консульство. Однако ни визы на въезд в Польшу, ни назначения в польскую православную митрополию там не оказалось [17]. Город и порт Триест вследствие Первой мировой войны отошел от Австро-Венгрии к Италии. Стоял он на самой границе с Югославией, ее тогда называли Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев. Правящая элита этого Королевства была издавна связана с Россией теснейшими союзническими узами и сохранила благодарность русским за помощь в борьбе с турками и австро-венграми. Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев в Гражданскую войну стало единственным государством, официально признавшим Омское правительство адмирала А.В. Колчака законным правительством всей России (19.05.1919). Король сербов, хорватов и словенцев Александр I Карагеоргиевич, выпускник Пажеского корпуса в Санкт-Петербурге (1906), считал русских белых офицеров братьями по оружию и всячески помогал белой эмиграции. Особенно дружеское отношение к русским эмигрантам было в единоверной Сербии. Туда и направились Русецкие.

Свежий человек с Дальнего Востока, на котором еще продолжалась вооруженная борьба с красными, был очень интересен белоэмигрантам в Югославии, подавляющее большинство которых составляли военные и беженцы 1920 года с Юга Ев-

ропейской России. В г. Нови-Сад о. Алексей выступил перед эмигрантами с лекциями о Белом движении в Сибири. Одной из особенностей этого движения он считал активное участие в войне с красными рабочими Ижевского и Воткинского заводов. Лекции Русецкого, полные боли и горечи поражения, вместе с тем давали, пусть слабую, но надежду. Однако А.Л. Ильин и Е.А. Игнатюк глубоко заблуждаются, думая, что о. Алексей надеялся на Дальневосточную республику (ДВР), которая якобы «выстоит в борьбе с большевиками, начнет движение за освобождение России» [17]. ДВР – это временное псевдо-государственное буферное образование, специально созданное большевиками, чтобы не допустить прямого военного столкновения Красной Армии РСФСР с войсками японских интервентов. Чтобы ДВР стала основой возрождения России, – такое не могло прийти в голову ни одному белогвардейцу. В сентябре – октябре 1922 г. белое Приморье еще сражалось, и надежда Русецкого, очевидно, была на иное, а именно – на православно-монархический эксперимент генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса, избранного Приамурским Земским Собором в июле 1922 г. во Владивостоке Правителем Приамурского края. Первый и последний раз за время Русской Гражданской войны в 1922 г. в Приморье была провозглашена задача восстановления Монархии. Основанием земского самоуправления Собор решил сделать церковный приход. Возродить Русскую государственность планировалось на Учении Христа и «идеологии исторического национально-религиозного самодержавного монархизма» [9].

Протоиерей Алексей Русецкий приехал в Сербию с рекомендательным письмом епископа Камчатского Нестора (Н.А. Анисимова) [17], широко известного и авторитетного в православных кругах. Несомненно, они хорошо знали друг друга не только по Харбину, но и по Омску. Осенью 1919 г. Нестор был Епископом всех казачьих войск и горячо призывал казачество Урала, Сибири и Дальнего Востока идти освобождать православный народ от полонивших его сатанистов и извергов: «большевиков-ино-племенников и их русских наемников» [39, л. 3; 29, с. 6].

Видимо, в Сербии о. Алексей получил покровительство знаменитого митрополита Антония (А.П. Храповицкого), богослова, философа, поборника восстановления патриаршества, возглавившего после Гражданской войны Русскую Православную Церковь за границей. Вероятно, в его резиденции в Сремских Карловцах Русецкие и нашли временный приют [17].

19 мая 1923 г. в Сремских Карловцах А.А. Русецкий написал прошение на имя епископа Новогрудского и Пинского Пантелеймона: «Смирнейше прошу Ваше Преосвященство дать мне приход в вверенной Вам епархии и исходатайствовать визу на право въезда в Польшу». К своему прошению протоиерей приложил письмо епископа Нестора и удостоверение № 153 о своем награждении Знаком отличия Военного Ордена «За Великий Сибирский Поход» 1-й ст. Свой обратный адрес «смирнейший послушник» обозначил так: «Сербия, Карловицы, Митрополиту Антонию для передачи мне».

То ли прошение это было отправлено с каким-то посланцем (конечно, с оказией), то ли ему предшествовали другие просьбы и ходатайства, но уже 23 мая 1923 г., т.е. через четыре дня, «мольбы протоиерея о возвращении на Родину были услышаны в руководстве Польской православной церкви» и «его назначили настоятелем Ястрембельской церкви Барановичского уезда» [17]. Надо полагать, довольно быстро была получена в польском консульстве в Сербии и виза на въезд супругов в Польшу.

В самом конце мая – летом 1923 г. Русецкие вернулись, наконец, на свою малую родину. Можно представить, какой была их встреча с двумя дочками Ксенией и Галиной, которых родители из-за затянувшейся Гражданской войны не видели более пяти лет! Третья дочь, замужняя Лидия, жила в это время в Минске, т.е. на территории СССР. Ксения и Галина стали жить с родителями [16].

6. На родине

О жизни о. Алексея в межвоенной Польше известно из архивных документов и комментариев к ним, опубликованных Александром Ильиным и Еленой Игнатюк во 2-й и 3-й частях их «Истории жизни» А.А. Русецкого [17; 18].

В Польской Республике, или, как ее еще называли, Второй Речи Посполитой, очень непросто складывались отношения между католиками и православными. Правительство этой страны проводило в 1920-е и особенно в 1930-е годы политику ассимиляции национальных и религиозных меньшинств и репрессий против оппозиционных политических партий, общественных и церковных деятелей. Естественно, этот курс вызывал со стороны меньшинств сопротивление. Вот, например, что писал в польское МВД в 1934 г. об одном из православных священников о. Николае Сobotковском (1865 – 1947) полесский вице-губернатор: «С политической точки зрения св[ященник] Сobotковский давно известен как непримиримый русский националист, понимающий свою русификаторскую деятельность как особую миссию. При каждом случае старается внушить своим прихожанам, что они являются русскими, так как понятия «православные» и «русские» – идентичные. Особенно усиленную агитацию проводил перед последней всеобщей переписью населения, призывая в церкви прихожан назвать родным языком – русский. Поляков и польские власти считает работодателями...» «Убежденный русский монархист» протоиерей Н.А. Сobotковский, высказывавшийся, кстати, за установление монархии и в Польше, был лишен польского гражданства (1934) [21]. А.А. Русецкий вплотную столкнулся со всеми этими сложностями во взаимоотношениях православных причтов, приходов с польскими властями, когда 6 августа 1923 г. был переведен в Св.-Александрo-Невский собор Пружан – поветового города Полесского воеводства, в 89 км к северо-востоку от г. Бреста – и затем назначен там благочинным [17]. Совершенно понятно, на чьей он только и мог оказаться стороне.

К приезду Русецкого в Пружанах сложились крайне натянутые отношения между православным причтом и местными властями. Пружанский староста господин Носль проводил политику, которую о. Алексей охарактеризовал как «своеобразную, новую фабрику гонения на православное духовенство» и считал, что таким способом староста «создает себе карьеру». Главной мишенью для нападок и ущемлений был для Носля предшественник Русецкого протоиерей о. Константин Пилинкевич [17].

К описываемому времени Константин Антонович Пилинкевич (1874 – 1936) священствовал свыше 26 лет, причем последнее двадцатилетие – в Пружанах. В его приходе «всегда были мир, согласие и доброжелательство». До Великой войны о. Константин, как и Русецкий, вел в Пружанах «большую просветительскую и общественную работу»: был законоучителем в нескольких учебных заведениях, председателем кредитного товарищества г. Пружаны, членом правления местного благотворительного общества, членом пружанского комитета попечительства о народной трезвости и т.д. Вернувшись в 1918 г. с войны, на которой он был священником военного го-

спиталья, о. Константин принялся организовывать в Пружанах «кружки содружества ревнителей веры», привлекая в них всех православных: «от малюток-детей до стариков». С помощью этих кружков ему удалось привести в порядок приходской храм, «совершенно разоренный внутри во время мировой войны». Эта его деятельность получила высокую оценку православной Полесской духовной консистории: в 1922 г. о. К. Пилинкевич стал протоиереем, в 1923 г. – благочинным 1-го Пружанского округа. Переломным моментом в его взаимоотношениях со светскими властями стал, по-видимому, март 1921 года, а еще точнее – визит в Пружаны премьер-министра Польши Винцента Витоса. Власти поручили Пилинкевичу приветствовать его от всего православного населения уезда. Отец Константин, ссылаясь на недостаточное владение польским литературным языком, хотел выступить на русском. Ему не разрешили. Тогда он поприветствовал Витоса на белорусском языке. Речь эта была вполне лояльная (в частности, священник заверил премьер-министра: «...и мы будем добрыми сынами Польши»), тем не менее, польские чиновники сам факт выступления по-белорусски расценили как политический вызов. Перед парламентскими выборами 1922 года К.А. Пилинкевич и на «благочинническом собрании» (29.06.1922), и на внецерковном общественном собрании предлагал слушателям голосовать только за тех кандидатов, которые будут отстаивать в сейме интересы православной церкви [44].

К сожалению, в этой пружанской истории не обошлось без оппортунизма и даже корысти со стороны некоторых прихожан и лиц причта. Были обращения к польской администрации от некой группы лиц, которых о. Константин отказывался считать православными, а их обвинения называл клеветническими [44] (видимо, критики обвиняли благочинного в политиканстве. – В.Ш.). В пружанском причте очень остро стоял квартирный вопрос. Причт имел в самом центре городка, рядом со Св.-Александро-Невским собором собственный хороший дом с тремя квартирами: для диакона, псаломщика и церковного сторожа. Однако священник Шамордин (вероятно, предшественник Пилинкевича на посту благочинного. – В.Ш.) без согласия остальных членов причта большую часть дома сдал в аренду местным властям. Русецкий считал, что Шамордин поступил так в своих личных материальных целях, и называл этот его поступок предательским. Власти в квартире псаломщика поселили одного из чиновников пружанского староства, а в квартире диакона разместили ветеринарную амбулаторию. Размещение ветамбулатории рядом со своим собором православные расценивали как «оскорбление Христианской Святыни». Да и санитарные нормы были нарушены. Ведь в амбулатории, оказавшейся в самом центре населенного пункта и под одной крышей с семьей сторожа собора, имелся изоляционный пункт для заразных животных... [17].

При назначении в Пружаны о. А. Русецкий получил наставление от епископа Полесского и Пинского Александра (надо полагать, в том духе, что Православная Церковь должна быть вне политики и что надо как-то находить общий язык с польскими властями. – В.Ш.). Но с первых же дней его пребывания в Пружанах о. Алексей встретил самое неприязненное отношение со стороны старосты Носля. «Последовавшие печальные события, – писал он позднее епископу Александру, – смерть псаломщика Кульчицкого, арест накануне храмового праздника диакона о. Кирдана и систематическое преследование протоиерея о. К. Пилинкевича создали невозможную обстановку. Но пренебрегая всем личным, щадя идею нашего общего дела и повинуюсь Вашему Архипастырскому наставлению при назначении меня в Пружаны, я терпел и

даже не доносил Вашему Преосвященству обо всех мелочных придирках и инсинуациях Староства и ко мне, и к духовенству округа» [17].

Преследование протоиерея о. Константина Пилинкевича вылилось в то, что указом Полесской духовной консистории за № 5785 от 31 декабря 1923 г. он, по требованию Министерства исповеданий и народного просвещения Польской Республики, был снят с поста благочинного и остался в Пружанах лишь в качестве настоятеля Пречистенской церкви. В дальнейшем, в 1925 г., «за выступление против Польского государства» он вообще был уволен за штат, и ему запретили занимать какие-либо должности в Польской православной церкви [44]. Очевидно, после снятия 31 декабря 1923 г. Пилинкевича Русецкий и был назначен благочинным 1-го Пружанского округа. Вопрос о том, когда он стал настоятелем Св.-Алекса́ндро-Невского собора: сразу при назначении в Пружаны или позже – остается пока открытым.

Алексей Русецкий был человеком с чувством собственного достоинства, и не привык он к такому отношению к Церкви со стороны светской власти. Терпение его лопнуло, когда в Пружаны приехал назначенный в Св.-Алекса́ндро-Невский собор диакон Рубан с семейством. Пришлось временно подселить семью диакона в маленькую квартиру церковного сторожа, человека также семейного. Благочинный решил добиваться возвращения незаконно сданных в аренду причтовых помещений. Когда ни неоднократные просьбы в староство, ни официальное письменное заявление в уездный сеймик не подействовали, причт собора в полном составе сам отправился в сеймик «за выяснением злополучного квартирного вопроса» (24.06.1924 г.? – В.Ш.). Этот поход не дал результатов, лишь привел к словесной пикировке между Русецким и секретарем сеймика: благочинный обвинил местные власти в издевательствах над православным причтом, а секретарь отца Алексея – в демагогии и в применении слишком сильных выражений. На следующий день после посещения сеймика о. Алексей «получил оскорбительную для себя повестку с вызовом в староство по служебным делам с угрозой принудительного доставления через полицию». Он пунктуально к назначенному времени явился в кабинет старосты. При его появлении Носль соскочил со своего места и «в диком исступлении» начал кричать на благочинного, обвиняя его в нежелании исполнять распоряжения староства. «На мое замечание: какое право имеет он, г[осподин] староста, так кричать на меня, – вспоминал о. Алексей, – последний с поднятыми кулаками и криком «Вон!» бросился на меня. Я поспешно удалился из кабинета старосты, боясь получить оскорбление действием». В своем письме епископу Полесскому и Пинскому Русецкий предупреждал, что «после насильственного удаления» К.А. Пилинкевича Носль наметил новые жертвы среди православного духовенства (пять лучших священников благочиния), и просил епископа Александра о помощи: «Или будет энергичнейшее вмешательство Вашего Преосвященства, или будут новые жертвы за веру со стороны лучших Ваших подчиненных пастырей» [17].

Во всей этой истории есть еще один интересный момент. По данным А.Л. Ильина и Е.А. Игнатюк, А.А. Русецкий ходил на прием к пружанскому старосте не один, а вместе с Г.Р. Ширмой – псаломщиком на тот момент, по их сведениям [17]. Согласно официальной биографии, Ширма был тогда регентом хора пружанского Алекса́ндро-Невского собора. Дело в том, что в Польше второй половины 1920-х – 1930-х годов Григорий Романович Ширма (1892 – 1978) являлся видным деятелем белорусского национально-освободительного движения. В частности, он работал в секре-

тариате «Белорусской крестьянско-рабочей громады» – самой крупной в Европе революционно-демократической организации, действовавшей в 1925 – 1927 гг. и насчитывавшей, по разным оценкам, 100 – 150 тысяч членов. С 1927 г. и до конца 1936 г. Ширма входил в круг руководителей «Товарищества белорусской школы» – организации культурно-просветительской, но в конечном итоге запрещенной польскими властями так же, как и политическая «Громада». За свою деятельность Григорий Романович дважды подвергался арестам, сидел в виленской тюрьме Лукишки. Славу, однако, Григорию Ширме принесла не политика, а его страстное увлечение музыкой, хоровой деятельностью и, особенно, собиранием (с 1907 г.) и изучением белорусского народно-песенного фольклора. После воссоединения Западной Белоруссии с Белорусской ССР он организовал и возглавил Белорусский ансамбль песни и танца (1940), в дальнейшем Государственную академическую хоровую капеллу БССР, с 1978 г. носившую его имя. Энтузиаст-фольклорист вырос в выдающегося советско-белорусского композитора, хорового дирижера, педагога, музыковеда, музыкально-общественного деятеля, удостоенного многих наград: народный артист СССР (1955), Герой Социалистического Труда (1977) и т.д. [49]. Неразкрытым остается вопрос, какую роль в становлении белорусского патриота Г.Р. Ширмы сыграли православные священники протоиереи К.А. Пилинкевич и А.А. Русецкий.

Справедливости ради надо упомянуть, что личные отношения двух протоиереев, видимо, не сложились. В частности, по данным Ярослава Щербакова, в декабре 1925 г. после своей частичной реабилитации Пилинкевич обвинял Русецкого в содействии заключению незаконного брака, нарушающего каноны Церкви, установленные Шестым Вселенским Собором. Отец Константин Пилинкевич надеялся на полную реабилитацию и на восстановление его в Пружанах в прежнем статусе. Но место уже было занято Русецким... «Казалось, что спокойнее становится на душе, легче дышится...», – писал Пилинкевич 2 декабря 1925 г. в консисторию. – Но увь! Все это только казалось... Кошмар опять явился, но с другой стороны в лице о. Русецкого, без всякой с моей стороны вины оскорбившего меня на уездном пастырском собрании и оклеветавшего затем перед Его Преосвященством» [19].

Конфликт в Пружанах между старостой и православным причтом получил достаточно широкий общественный резонанс, так как о. Алексей Русецкий жалобу об оскорблении его старостой подал напрямую министру внутренних дел Польши. Он просил привлечь Носля к ответственности за применение к нему насилия при исполнении им как благочинным своих служебных обязанностей. В ситуации середины 1920-х гг. власти предпочли пойти на компромисс, убрав главных противников из Пружан. Носль был снят с должности старосты, а о. Алексей – переведен в г. Кобрин, центр повета того же Полесского воеводства: 24 июня 1925 г. он был назначен настоятелем Кобринского Св.-Алекса́ндро-Невского собора и благочинным 1-го округа Кобринского уезда. При переезде в Кобрин Русецкий был принят в г. Бресте полесским воеводой Казимиром Млодзяновским (26.06.1925). Содержание беседы с воеводой о. Алексей передал в своем письме епископу Полесскому и Пинскому Александру (от 30.06.1925 г.), опубликованном А.Л. Ильиным и Е.А. Игнатюк [см.: 17].

Эти же исследователи опубликовали два прошения в защиту Русецкого как настоятеля Кобринского Св.-Алекса́ндро-Невского собора на имя епископа Полесского и Пинского Александра от 4-го [см.: 17] и 8 декабря 1927 г. [см.: 18]. Первое из них подписало большинство прихожан собора, т.е. сотни горожан и сельчан, второе – десять

человек, видимо, активисты прихода, скажем так, представители служилой интеллигенции: директор кобринской больницы, бывший начальник железнодорожной станции, бывший начальник почтово-телеграфной конторы, доктор, два помощника присяжного поверенного и т.д. [см.: 18]. Данные этих прошений хорошо объясняют, с какими проблемами столкнулся о. Алексей на новом месте и как он их решал.

Вновь назначенный настоятель Кобринского собора прежде всего «как добрый пастырь своего стада постарался познать свою паству и приблизиться к ней всей его чуткой и отзывчивой душой».

До его приезда Св.-Александро-Невский собор г. Кобрина, по оценке прихожан, «представлял из себя что-то очень мало похожее на храм», и новый настоятель «при горячем участии ктитора Антона Давидюка», преодолев все материальные и иные трудности, «своими усиленными трудами и хлопотами привел этот храм – этот дом молитвы и душевного успокоения верующих – в надлежащий порядок и вид» [17].

Гораздо более серьезной проблемой стали упадок веры, развитие атеизма и – особенно – баптизма. Кобринские прихожане отмечали, что в их городке «после войны вообще упала религиозность и зародились секты вроде баптистов, безрелигиозных, коммунистов, евреев-безбожников» [18]. Они писали: «... наш Кобрин стал гнездом и рассадником баптистов», «эта зараза, которая хотя неглубоко, но, надо признать, пустила корни на нашей территории» [17]. Первый баптист приехал в этот городок в июне 1922 г., а в 1924 г. явился из Америки первый миссионер – выпускник специальной миссионерской школы. Если в 1924 г. баптисты крестили в Кобрине 8 человек, то в 1926 г. – уже 40 [26]. Православные кобринцы признавали, что у них оказался сильный противник: К.Я. Ярошевич, которого они охарактеризовали как «знаменитого путеводителя баптистов и великого их проповедника» [17].

Константин Ярошевич (1891 – 1984) действительно считается баптистами «предвестником и первопроходцем» их «Церкви Христовой» в Польше и Белоруссии. Родился он в Белостокском уезде, Гродненской губернии. Позднее, в Гражданскую войну, этот уезд оспаривали друг у друга Белоруссия, Литва и Польша. Но сам Ярошевич еще в 1910 году в поисках лучшего достатка эмигрировал из Российской империи в США, или как тогда у нас называли эту страну – Северо-Американские Соединенные Штаты. Работал на фабрике в Нью-Йорке. Приняв крещение у баптистов (1912), отучившись четыре года в их «Библейском колледже Джонсона» (ныне «Университет Джонсона» в г. Ноксвилл, штат Теннесси), он был рукоположен в «проповедники-миссионеры» (1916) и в течение пяти лет «работал среди славян» в городах Нью-Йорке, Балтиморе, Чикаго, Кливленде. В конце 1921 г. его отправили проповедовать в Польшу. Начинать он с родных мест, а затем перенес деятельность в Полесье [48].

Именно К.Я. Ярошевич провел первое баптистское крещение восьми душ, ставшее датой основания их церкви в Кобрине (28.09.1924). Когда в том же 1924 году баптисты купили здание под свой молитвенный дом, Ярошевич переехал в Кобрин и нес служение пресвитера их Кобринской церкви до сентября 1939 г. Здесь он развернул бурную деятельность. В течение 1924 – 1926 гг. баптисты организовали в Кобрине «Христианский миссионерский центр», журнал «Христианский союз», хор, кружок молодежи, курсы регентов [26]. В дальнейшем они создали женское объединение, сиротский дом, а кружок молодежи развернули в молодежный союз [36]. Так Кобрин-Полесский превратился в главный миссионерский центр баптизма в Польше [48], сыгравший большую роль в создании общин в других городах и

селах. В 1929 г. баптисты Западной Белоруссии и Северо-Западной Украины впервые собрались на свой съезд, который избрал «Комитет исполнительных дел Союза Церквей Христовых» с местонахождением в Кобрине и под председательством пастора Константина Ярошевича (с 1931 г. доктора богословия). Кобринский журнал «Христианский союз» стал центральным печатным «органом Союза Церквей Христовых в Польше» [26] (издавался на русском языке [36]). «Деятельность этого союза постепенно достигла широких размахов». К 1939 г. в него входило около 70 общин («церквей»), находившихся в Западной Белоруссии, Западной Украине и Литве. Союз большими тиражами издавал и распространял баптистскую литературу на русском, украинском и польском языках, при своих храмах имел воскресные школы, кружки молодежи, хоры, духовые и струнные оркестры, регулярно проводил съезды, библейские и регентские курсы, «евангельские общения под открытым небом» [23]. В начале 1930-х гг. К.Я. Ярошевич организовал поездки хора кобринской общины баптистов по Англии и США, в Штатах встречался с президентом Гербертом Гувером [17]. В сентябре 1939 г., спасаясь от Красной Армии, Ярошевич уехал в Люблинское воеводство и оказался в немецкой зоне оккупации Польши. Там он ненадолго попал в гестапо, но как американскому гражданину немецкие власти разрешили ему вернуться через Италию в США [26; 48].

Таким образом, в лице пастора К.Я. Ярошевича благочинный 1-го округа Кобринского уезда и настоятель Св.-Алекса́ндро-Невского собора о. Алексей Русецкий действительно встретил серьезнейшего противника – выдающегося баптистского «миссионера-евангелиста» [48] и прекрасного организатора, к тому же, видимо, имевшего стабильную финансовую подпитку из-за рубежа. Что же противопоставил православный протоиерей, бывший Главный священник Восточного фронта наступающему баптизму?

С помощью диакона собора о. Иоанна Кирдана и псаломщика Григория Габрушука о. Алексей повел с ним трудную, сложную, упорнейшую борьбу. Это была «борьба за спасение православия», и, как писали прихожане в одном из прошений, их благочинный употреблял «все усилия, чтобы корни этой заразы засохли», ибо, по их разумению, «если не будет православия, то зачем тогда нужны будут православные пастыри...» [17]. Главным оружием протоиерея стало его пастырское слово. Прихожане отмечали «самое главное достоинство о. Алексея Русецкого», а именно: будучи одарен «особым духовным вдохновением», он являлся «энергичным, хорошим проводником» Православия и «старался всеми мерами провести в жизнь принципы религиозности, высокой нравственности, любви к ближнему, уважения к старшим и особенно к духовенству, к послушанию и общегосударственной благотворительности». «Благодаря его ревностной деятельности, – говорилось в прошении от 8 декабря 1927 г., – несмотря на сравнительно недолгое время пребывания настоятелем собора, о. Алексей Русецкий успел настолько впитать в массы людей, разного класса и состояния, все вышеупомянутые высокие принципы, что за последнее время Кобринский Собор бывает переполнен молящимися, не только городскими, но и в большом количестве деревенскими жителями, идущими даже за несколько верст из других приходов, чтобы послушать совершаемое о. Алексеем Русецким в сослужении диакона о. Иоанна Кирдана, благоговейное Богослужение, чего подобного мы не наблюдали ни при одном настоятеле из прежде бывших. Привлечение такой массы молящихся – это и есть закрепление людей в Православной Вере...» [18].

Видимо, кобринский благочинный критиковал баптизм жестко и убедительно. И К.Я. Ярошевич «принимал всевозможные меры к тому, чтобы удалить из Кобринского своего непобедимого противника» (непобедимого, по мнению православных). В частности, не пастор лично, а кто-то из баптистской общины предлагал о. Алексею Русецкому уехать из города и за это – «огромную сумму денег», которой, по оценке составителей прошения, хватило бы не только самому протоиерею, но и его потомству. Однако А.А. Русецкий «как доблестный пастырь не пошел на это – не уподобился Иуде, предавшему Христа за 30 сребренников» [17].

Нашлись, однако, критики о. Алексея и среди православных. По мнению большинства прихожан, одни из таких типов были просто завистниками, которые «уподобились Каину, убившему своего родного брата Авеля из зависти, что его усердие было угодно Господу Богу». Другие же «вредили деятельности о. Алексея Русецкого и помогали врагам православия – баптистам» ради «достижения своих чисто материальных целей и выгод». Критики писали на благочинного доносы, которые в одном из своих прошений прихожане Св.-Александровского собора назвали «вздором» и «чистейшей ложью». Исследователи А.Л. Ильин и Е.А. Игнатюк упоминают одну конфликтную ситуацию, когда крестьянин села Андроновое Е. Ничипорук обвинил благочинного в том, что тот избил его, – и предполагают, что «это была провокация местных баптистов», направленная на устранение Алексея Русецкого из Кобринского [17].

Баптисты и их вольные и невольные помощники из числа православных, в некотором смысле, добились своего: 29 ноября 1927 г. последовал указ епископа Полесского и Пинского Александра о переводе протоиерея о. Алексея Русецкого в село Ворониловичи, Косовского уезда. Однако, по словам А.Л. Ильина и Е.А. Игнатюк, «кобринские прихожане стали грудью на защиту своего любимого пастыря».

Помимо перечисления фактов «полезной и высоко ценимой деятельности» А.А. Русецкого, прошения прихожан в его защиту интересны своими формулировками. Прощение от 4 декабря 1927 г. начиналось так: «Сегодняшний высокочтенный день, двойного праздника (Воскресение и Введение в Храм Пресвятой Девы Марии) принес нам неопишное горе. Нас как громом поразила весть о переводе от нас всеми любимого и высоко ценимого, верного и преданного до самоотверженности нашего пастыря – настоятеля Соборной церкви о. Алексея Русецкого». Завершался документ просьбой к епископу Александру: «Трудно перечислить всех заслуг о. Алексея Русецкого, и поэтому мы, прихожане, не можем помириться с утратой дорогого нам пастыря и вследствие этого просим Ваше Преосвященство взвесить на весах совести все вышеизложенное и не оставлять нас сиротами без нашего высокочтимого пастыря, отменив Указ о его переводе из Кобринского» [17]. В прошении от 8 декабря 1927 г. прихожане подчеркивали, что такой «высоко-полезный» и «всеми любимый пастырь» заслуживает не смещения, а только поощрения и что его устранение повредит и «общему делу всех благомыслящих людей», и «общепастырскому делу» [18].

Противники Алексея Русецкого просчитались. В Ворониловичи он не поехал, а остался в Кобрине и продолжал служить в Св.-Александровском соборе. Характер его взаимоотношений в это время с епархиальными властями не до конца понятен. Совсем не обязательно, что это был прямой конфликт благочинного с епископом. В конечном итоге, через год ситуация окончательно разрешилась компромиссом:

о. Алексей был оставлен в Кобрине, но переведен настоятелем церкви Св. Петра и Павла. Соответствующий указ владыки Александра состоялся 1 декабря 1928 г.

Видимо, подвешенное состояние не позволяло Русецкому развернуть свою деятельность в полной мере. Теперь же эти пути спали. И буквально через три дня – 4 декабря 1928 г. с благословения архиепископа Полесского и Пинского Александра он учредил «Братство Св. Креста при Кобринской Петропавловской церкви». Председателем стал сам о. Алексей. При «Братстве» был создан «Кружок благочестивых женщин». За первые полгода своего существования организация окрепла материально, что позволило ей приступить к изданию на свои средства «оздоравливающей литературы» для населения, направленной против атеизма и баптизма. В рапорте архиепископу Александру от 6 августа 1929 г. Русецкий отмечал, что в ряде деревень из-за «проникновения большевистской безбожной литературы» и деятельности левых организаций «начал сильно развиваться атеизм». По его мнению, «чтобы парализовать это опасное явление, необходима литература». Протоиерей А. Русецкий предлагал «против особенно распространенных пороков и заблуждений» издавать на первых порах брошюры и листовки в тысячах экземпляров. У него самого был опыт православного публициста. В частности, в то время он сотрудничал с варшавской православной газетой «Воскресное чтение». Для «Братства» же о. Алексей написал листовки «Есть ли Бог» и «Великий грех». Направляя архиепископу тексты этих двух листовок, а также трех стихов некоего В. Клышевича («Выбор веры», «Баптисты», «Пьянство»), Русецкий просил благословить их и помочь отпечатать для распространения среди прихожан. Другой формой работы «Братства» стали крестные ходы, в том числе паломнические. Известен, например, рапорт А.А. Русецкого епархиальному миссионеру Полесской епархии протоиерею о. Павлу Калиновичу от 2 июня 1931 г. по поводу организации «Братством Св. Креста» в 20-х числах июня того же года «паломничества из г. Кобрин в Яблочинский монастырь ко дню Преподобного Онуфрия Великого» [см.: 18].

Таким образом, в Польше конца 1920-х – начала 1930-х гг. о. Алексей применил тот самый опыт работы с прихожанами посредством организации православных братств, который был приобретен им в 1910 – 1914 гг. в Еремичах, Минской губернии и в 1918 г. в Петропавловском уезде, Акмолинской области. Однако внешняя, по отношению к церкви, обстановка теперь не благоприятствовала такого рода деятельности. А.Л. Ильин и Е.А. Игнатюк объясняют частые перемены А.А. Русецким мест жительства и церковной службы в 1920-е – 1930-е годы его «принципиальностью и бескомпромиссностью», приводившим протоиерея «к конфликтам как с уездными властями, так и с церковным начальством» [18]. Но причина переездов явно не только в принципиальности священника. В условиях нарастания давления Польского государства на Русскую Православную Церковь выходящая за привычные канонические рамки активность о. Алексея, несомненно, вызывала противодействие польских светских и католических властей, способствовала повышению конфликтности и, тем самым, раздражала его непосредственное епархиальное начальство, предпочитавшее перевести этого беспокойного пастыря в новое место.

7 мая 1931 г. последовал перевод А.А. Русецкого в Гродненскую епархию, где 24 октября того же года он был назначен настоятелем церкви в с. Негневичи, Ново-грудского повета (уезда). Здесь за труды и заботы по постройке каменной часовни о. Алексей получил благодарность епархиального начальства (28.10.1932).

Затем он стал новогрудским миссионером и за деятельность в этом качестве был награжден митрою (08.04.1934). Как видим, переводить-то с места на место переводили, но и награждать священника за весомые заслуги в защите Православной Церкви отнюдь не забывали.

16 марта 1936 г. митрофорный протоиерей Алексей Русецкий был назначен в небольшой городок Скидель, центр гмины Гродненского повета: настоятелем местной церкви и скидельским благочинным.

19 июля 1937 года – новое назначение: настоятелем Св.-Георгиевской церкви в г. Несвиже [18] – центре Несвижского повета, Новогрудского воеводства.

Любопытно, что публикация исследования А.Л. Ильина и Е.А. Игнатюк вызвала ценные отклики. Среди комментаторов оказался и житель Несвижа Ростислав Хмель, слышавший об о. Алексее Русецком от старых прихожан. Он написал: «...являюсь несвижанином в четвертом поколении и прихожанином Свято-Георгиевского храма, где и служил о. Алексей. Мне удалось застать очевидцев того времени. После кончины в 1937 году настоятеля храма о. Григория Чипуля, который прослужил в Несвиже сорок лет, на его место был переведен о. Алексей. За неполных три года он добился любви и уважения горожан, а на его проповеди приходили и католики. Им был поставлен памятный крест на месте сгоревшей в 1846 году Свято-Преображенской церкви» [19].

После развязывания нацистской Германией Второй мировой войны Красная армия двинулась 17 сентября 1939 г. в свой «Освободительный», или «Польский поход», имевший целью воссоединить западных украинцев и белорусов с входившими в СССР Украинской и Белорусской Советскими Социалистическими Республиками. Приход красных не сулил бывшему Главному священнику белого Восточного фронта ничего хорошего. В Несвиже о. Алексей жил один, семья же его в то время находилась в Варшаве. Русецкий не стал дожидаться Красной армии, погрузил нажитое в повозку и выехал из Несвижа с целью воссоединиться со своими домочадцами. Однако далеко он не уехал, по дороге был остановлен и в чистую ограблен «освободителями». По словам Ростислава Хмеля, о. Алексей вернулся в Несвиж в одном «подрячнике с кнутом в руках» [19].

После воссоединения с Белорусской ССР г. Несвиж был включен в состав Барановичской области. Начались гонения на Церковь, выразившиеся прежде всего в специальном обложении ее громадными налогами под лозунгом: «Сами откажутся от церкви, без всякого насилия». Налоговый гнет коммунисты, очевидно, насильем не считали. Западно-белорусское православное духовенство пыталось протестовать. Так, настоятель Свято-Успенского мужского монастыря в Жировицах архимандрит Венедикт (В. Бобковский) писал А.А. Русецкому: «Необходимо писать, телеграфировать, а если возможно, и посылать депутацию в Москву, иначе ничего не будет [...]». Мы ожидаем донесений с мест, чтобы накопилось много материала, и думаем от лица экзарха писать в Москву, и, если будет возможно, посылать депутацию к Сталину, и верим, что это поможет. Пока же надо крепиться и переговариваться с местными областными и Минскими властями».

Согласно донесению Несвижского райотдела НКВД, получив извещение об обложении его налогом, о. Алексей 12 мая 1940 г. выступил в своем храме перед паствой и сказал: «Други мои, пришла на церковь скорбь, обложили налогом в 5000 руб., будьте крепки в своей вере, если хотите, чтобы большевики не закрыли церкви,

собирайте деньги». Через неделю, 19 мая, в деревне Пахобовщине в разговоре с чекистским информатором Русецкий заявил: «Вот пришла эта зараза большевистская. Нам надо усиленно молиться, чтобы нас бог избавил от большевиков, иначе они нас задушат, – и в заключение добавил, – наверно, нам с вами придется расстаться». Видимо, о. Алексей предчувствовал арест. То, что он сразу после прихода Красной Армии не угодил в застенки НКВД, удивительно; наверно, чекисты ничего не знали о его роли в белой Сибири. Тем не менее, сначала ему увеличили налог до 15000 руб., а потом, если сведения А.Л. Ильина и Е.А. Игнатюк верны, последовал и его арест [18].

По Ростиславу Хмелю, А.А. Русецкий «немецкую оккупацию принял как спасение». Если сотрудники НКВД действительно успели его задержать, то приход немцев освободил священника из-под стражи. О поведении о. Алексея во время оккупации Р. Хмель написал: «...общаясь с комендантом, был защитником гонимых и сам рисковал жизнью, выдавая евреям справки о крещении. Он же спас от расстрела ксендза Григория Колосовского за связь с АК. Опасаясь репрессий, ушел с немцами в июле 1944 года». В Несвиж Русецкий больше не возвращался [19].

АК – это Армия Крайова (буквально с польского – «Отечественная армия») – вооруженные подпольные и партизанские формирования польского Сопротивления, подчинявшиеся находившемуся в Великобритании «Польскому правительству в изгнании». За арестованного настоятеля костела Божьего Тела в Несвиже ксендза Григория (Гжегожа) Викентьевича Колосовского (1909 – 1991) удалось внести денежный выкуп. Остальные восемьдесят человек, подозревавшиеся в контактах с Армией Крайовой и задержанные по тому же делу, в том числе четыре католических священника, были расстреляны в лесу в ночь на 5 марта 1942 г. А о. Гжегож Колосовский служил в Несвижском католическом храме до самой смерти, получив незадолго до своей кончины от папы Иоанна Павла II почетный титул прелата (1990). Настоятелем костела Божьего Тела он являлся все 52 года своего пасторского служения (1939 – 1991), посмертно был объявлен почетным гражданином Несвижа (2002) и похоронен в этом городе [10]. Как видим, герой очерка не только боролся за истину с представителями иных конфессий, но в драматические моменты истории и помогал им спасать жизни, чем заслужил благодарную память несвижан.

По данным крупнейшего современного историка Православной Церкви в Польше митрофорного протоиерея о. Григория Сосны [52, с. 734], после окончания Второй мировой войны о. Алексей Русецкий служил в польском городе Плоцке, где и умер 16 декабря 1945 г. [42, с. 284-285; 18; 44].

Итак, «священник-монархист» митрофорный протоиерей Алексей Русецкий предстает пред нами как «добрый пастырь» с «чуткой и отзывчивой душой», очень близко стоявший к своей пастве. Будучи ревностным, деятельным, результативным проводником Православия, он сам являл для верующих пример настоящей религиозности и нравственности. Одаренный «особым духовным вдохновением» А.А. Русецкий «силою своего мощного слова» и благоговейностью богослужения привлекал в храмы, где служил, массы людей разных классов и сословий, горожан и деревенских жителей. На его проповеди шли из других приходов, причем не только православные, но и католики; и храм у него обычно был переполнен молящимися. Эти качества священника в полной мере проявились, когда три года он прослужил на Германском фронте с сибирскими казаками, и, очевидно, стали главной причиной его быстрой военно-духовной карьеры в Гражданскую войну.

Деятельность героя очерка в белой Сибири требует дальнейшего изучения. В частности, необходимо собрать его православную публицистику: пастырские обращения, речи, статьи, интервью в уральских, сибирских и дальневосточных газетах, а также отдельные листовки и брошюры. Конечно, интересны и его газетные публикации в «Минском Слове» 1910-х гг. и в варшавских «Воскресных чтениях» 1920-х – 1930-х гг. Возможно, его наследие, особенно в части, направленной против атеизма, католицизма и баптизма, не потеряло своей актуальности и в наши дни.

Отец Алексей Русецкий принадлежал к той части русского православного священства, которая полагала, что в Гражданской войне Православная Церковь должна быть воинствующей и действовать против богоборцев-большевиков «во всеоружии своей духовной мощи».

Библиографический список:

1. Белов А.И. Бои под Праснышем. Бой у дер. Черняки // Сибирский казак. Вып. 2. Харбин, 1941. С. 110-120.
2. Березовский Е.П. Сибирское войско и Великая война // Сибирский казак. Вып. 2. Харбин, 1941. С. 9-15.
3. Бовкало А.А. Выпускники Минской духовной семинарии 1883 – 1915 гг. // URL// <http://www.petergen.com/bovkaloduhov/minsksem.html> (дата обращения: 26.06.2017).
4. «Большевики ... отняли свободу верить и молиться». Пастырское обращение Главного священника Сибирской армии протоиерея Алексея Русецкого к рабочим Мотовилихинского завода. 1919 г. / Публикация – А.В. Суханов // Исторический архив. 2015. № 5. С. 196-199.
5. Волков Е.В. Православное духовенство в войсках А.В. Колчака в годы Гражданской войны // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки: Материалы науч. конф. в Челябинске 19 – 20 апреля 2002 г. М.: «Посев», 2003. С. 32-36.
6. Волков С.В. База данных «Участники Белого движения в России» по состоянию на январь 2014 г. (База № 2). PDF-версия. «Р». 343 с.
7. Волков С.В. К вопросу о военном духовенстве в белых войсках Восточного фронта // Материалы научной конференции (круглого стола) «Белая идея и православие» 22 января 2013 г. на базе Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва) // URL//<http://docviewer.yandexru/?url=ya-disk-public%3A%2F%2Fuagh5LJY%2FLR2TZIsPe0TIMX9%2B4NivH%2BP67eF8ealcw%3D&name=%D0%9A%D1%80%D1%83%D0%B3%D0%BB%D1%8B%D0%B9%20%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BB.doc&c=5111c7f85778> (дата обращения: 01.09.2017).
8. Ганин А.В. Болгарин, защитивший Россию: судьба Иордана Пехливанова // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 11. М., 2012. С. 255-336.
9. Генерал Дитерихс: последний защитник Империи // URL// <https://kaminec.livejournal.com/47231.html> (дата обращения: 04.04.2018).
10. Гжегож Колосовский // URL// http://cyclowiki.org/wiki/Гжегож_Колосовский (дата обращения: 14.04.2018).
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 189. Оп. 1. Д. 4.
12. Государственный Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 54. Оп. 3. Д. 4.

13. ГИАОО. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 10.
14. Енборисов Г.В. От Урала до Харбина: Памятка о пережитом. Шанхай, 1932. 187 с.
15. Еремичи (Гродненская область) // URL// [https://ru.wikipedia.org/wiki/Еремичи_\(Гродненская_область\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Еремичи_(Гродненская_область)) (дата обращения: 19.01.2018).
16. Ильин А. Л., Игнатюк Е. А. Алексей Русецкий. История жизни. Ч. 1 // URL// <http://www.istpravda.ru/research/12949/> (дата обращения: 24.09.2017).
17. Ильин А. Л., Игнатюк Е. А. Алексей Русецкий. История жизни. Ч. 2 // URL// <http://www.istpravda.ru/bel/research/12950/> (дата обращения: 24.09.2017).
18. Ильин А. Л., Игнатюк Е. А. Алексей Русецкий. История жизни. Ч. 3 // URL// <http://www.istpravda.ru/bel/research/12951/> (дата обращения: 24.09.2017).
19. Ильин А. Л., Игнатюк Е. А. Алексей Русецкий. История жизни. Комментарии [читателей] // URL// <http://www.istpravda.ru/bel/research/12951/> (дата обращения: 24.09.2017).
20. Ильин А. Л., Игнатюк Е. А. Братья Григорий, Федор и Алексей Русецкие // Каласавіны. «Зямля – аснова ўсей Айчыны». Матэрыялы XXVII навуковай канферэнцыі. Мінск, 2 – 3 лістапада 2013 г. Мінск, 2014. С. 273-285.
21. Ильин А.Л. Черевачицкие Котовичи – священники, деятели культуры и просто люди // URL// <http://brama.brestregion.com/nomer28/artic15.shtml> (дата обращения: 14.04.2018).
22. Иртыш. Омск, 1919. № 9.
23. История евангельских христиан-баптистов... (М., 1989) // URL // <http://doc.knigi-x.ru/22istoriya/147384-10-istoriya-evangelskih-hristian-baptistov-posvyaschena-vozniknoveniyu-zhizni-evangelsko-baptistski.php> (дата обращения: 11.04.2018).
24. Казачье эхо (Чита). 1920. № 63 (92), 9 июня (27 мая).
25. Казачье эхо. 1920. 11 июня (29 мая).
26. Кобринская церковь Евангельских Христиан Баптистов. История церкви. К 70-летию Кобринской церкви ЕХБ. 25.09.1994 г. // URL // <http://christianin.by/o-nas/istoriya/> (дата обращения: 07.04.2018).
27. Маркович К. Отрадное явление // Иртыш – голос Сибирского казачьего войска. Омск, 1918. № 40. С. 10-11.
28. Наша мысль (Петропавловск). 1918. № 11, 24 февраля (09 марта).
29. Нестор, епископ всех казачьих войск. Слово ко всему казачеству // Казачество России в Белом движении / Белая Гвардия: Альманах. № 8. М.: «Посев», 2005. С. 6.
30. Николаев А.Б. Константин Маркович Околович (17.09.1872 – 1933) // URL// <http://www.tez-rus.net/ViewGood31199.html> (дата обращения: 12.01.2018).
31. Околович Константин Маркович // URL// https://ru.wikipedia.org/wiki/Околович,_Константин_Маркович (дата обращения: 12.01.2018).
32. Олихов Д.В. Временное высшее церковное управление Сибири (1918 – 1920 гг.). Опыт церковного строительства в эпоху гражданского лихолетья. СПб.: Изд-во «Сатисъ», 2017. 222 с., ил.
33. Посадсков А.Л. Попытка возрождения пропагандистского аппарата белой Сибири в армии атамана Г.М. Семенова (январь – октябрь 1920 г.) // 1920 год в судьбах России и мира: апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения: Сб. материалов Междунар. науч. конф. Архангельск, 2010. С. 252-255.

34. Приветственные послания Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.: Сб. док./Сост. и науч. ред. В.В. Журавлев. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. 560 с.; ил.

35. Приказ[ы] Степному корпусу [за 1918 год]. [Омск, 1918]. (Омская областная научная библиотека им. А.С. Пушкина).

36. Решетников Ю., Санников С. Обзор истории Евангельско-баптистского братства в Украине. Одесса: «Богомыслие», 2000. 246 с. // URL // http://krotov.info/history/20/iz_istori/reshetn.html (дата обращения: 07.04.2018).

37. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39483. Оп. 1. Д. 35.

38. РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 26.

39. РГВА. Ф. 39768. Оп. 1. Д. 10.

40. РГВА. Ф. 40016. Оп. 1. Д. 6.

41. РГВА. Ф. 40016. Оп. 1. Д. 20.

42. [Русецкий А.А.] Речь Главного священника Сибирской отдельной Армии протоиерея Алексея Русецкого [Томск, 22 ноября 1918 г.] // URL// <http://zaistinu.ucoz.ru/news/2009-04-21-619> (дата обращения: 14.05.2017) [Опубликовано по источнику: РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 2. Л. 91-92].

43. Русская Православная Церковь и Белое движение / Белая гвардия: Альманах. № 10. М.: «Посев», 2008. 264 с., ил.

44. Священники и святые Пружанского района // URL// <http://forum.vgd.ru/794/57404/all.htm?> (дата обращения: 11.03.2018).

45. Сибирский вестник (Омск). 1918. № 28, 21 сентября.

46. Сибирский казак: Войсковой сборник / Под ред. Е.П. Березовского. Вып. 2. Харбин: Изд. Войскового представительства Сибирского казачьего войска, 1941. 343 с., ил.

47. Смирнов С. Ложный день календаря. Народ и армия достойны лучшего праздника // URL // <https://pereklichka.livejournal.com/1230702.html> (дата обращения: 25.02.2018).

48. Хури Н. Вспоминая наших лидеров. 30-летие со дня смерти Константина Ярошевича (1891 – 1984) // URL // http://www.slowoizycie.pl/14-4/14-4_jar.html (дата обращения: 05.04.2018).

49. Ширма Григорий Романович // URL // https://ru.wikipedia.org/wiki/Ширма,_Григорий_Романович (дата обращения: 25.04.2018).

50. Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. Кн. 1. 1917–1920. 748 с., ил.

51. Шулдяков В.А. Главный священник Восточного фронта протоиерей Алексей Русецкий (1871 – 1945) [ч. 1] // Вестник Омской православной духовной семинарии. Омск, 2017. Вып. 3: Научные труды. С. 41-47.

52. Sosna G., Tros-Sosna A. Hierarchia i kler kościoła prawosławnego w granicach II Rzeczypospolitej i Polski powojennej w XIX – XXI wieku. Ryboły, 2012. 1008 s., il.